ПРАВИТЕЛИ РОССИИ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

ИВАН III ВАСИЛЬЕВИЧ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фигура великого князя Ивана III Васильевича мало известна современным россиянам. И абсолютно незаслуженно. Одного перечисления сделанного им хватит, чтобы поставить его в ряд исторических личностей первой величины.

За сорокалетний период правления Иван III завершил объединение разрозненных земель, из которых выросло новое единое русское государство, подвинувшее Европу с передовых позиций. Были заложены основы центрального и местного управления, принят первый в истории Судебник. Появилась профессиональная армия. А главное – Иван III освободил Русь от длившегося столько столетий монголо-татарского ига. Правда, при нем появилось уже новое название объединенных земель. Название, которое мы используем до сих пор, – Россия. Вместе с гербом в виде двуглавого орла – тоже детища тех времен.

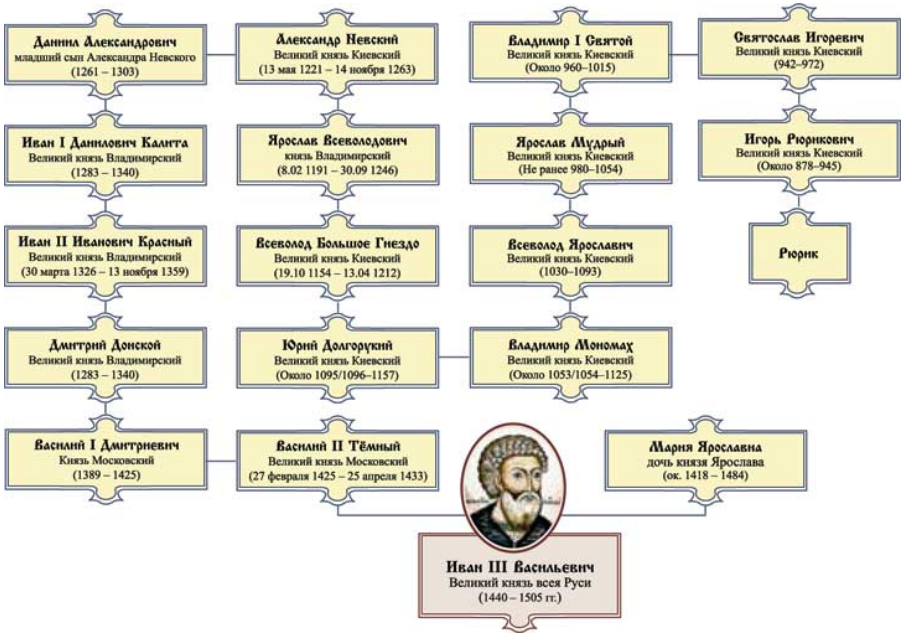
- Александр Воробьев
  -
  - Предисловие
  - Наследник великокняжеского престола
  - Начало самостоятельного правления
  - Крушение ордынского ига и «стояние на Угре»
  - Господин Великий Новгород и объединение русских земель
  - Во главе объединенной России
  - Заключение
  - Главные даты жизни Ивана III Васильевича

Александр Воробьев
Великий князь Иван III Васильевич
22 января 1440 – 27 октября 1505

© ИД «Комсомольская правда», 2015 год

* * *

Предисловие



Фигура великого князя Ивана III Васильевича (1440–1505 гг.) незаслуженно мало известна людям, не искушенным в истории России. Между тем одного перечисления сделанного им хватит, чтобы поставить его в ряд исторических личностей первой величины.

За сорокалетний период правления Иван III в основном завершил объединение разрозненных княжеств и земель, из которых выросло новое единое Русское государство, заявившее Европе о своем существовании. Формирование многих ключевых сторон российской государственности пришлось на этот период. Тогда же были заложены основы центрального (приказы) и местного управления и принят первый в истории России Судебник – правовой памятник, унифицировавший право и суд на территории всей страны – феномен уникальный даже для Европы того времени.

Великий князь Иван III. Гравюра из «Космографии» А. Теве. 1575 г.

В государстве, двигавшемся по пути централизации, появилась новая армия, пришедшая на смену разрозненным дружинам русских княжеств. Иван III и его преемники из военачальников, лично ведущих в бой ратников, становятся главнокомандующими и успешно руководят действиями воевод.

Подобная перемена открыла перед великим князем пространство стратегического планирования, предоставила ему возможность решать сложнейшие боевые задачи и вести широкомасштабные военные кампании.

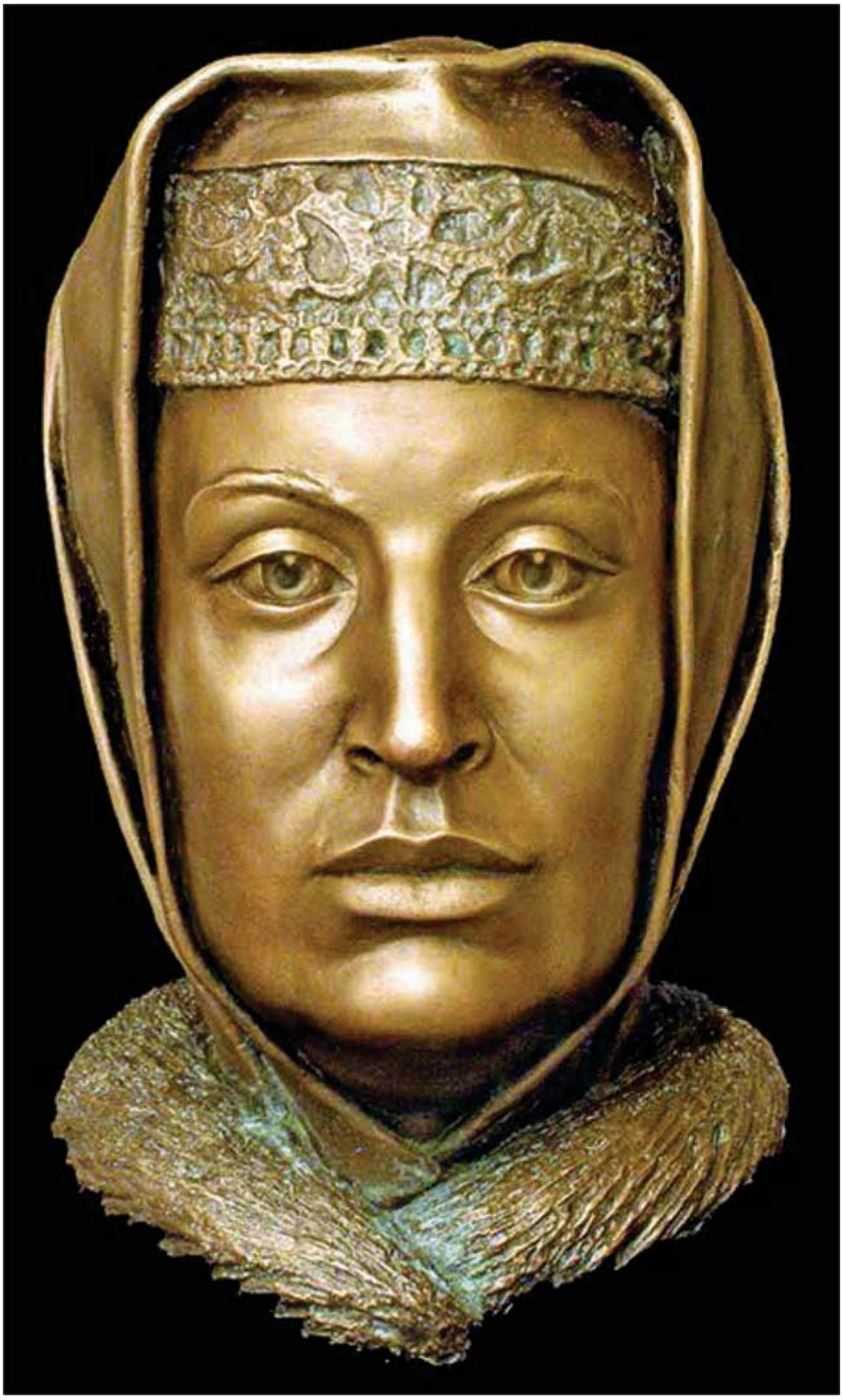
Нельзя обойти стороной и культурную сферу. Московский кремль – один из символов нашей страны во второй половине XV в. получил современный облик, внутри были возведены три собора – Архангельский, Преображенский и Благовещенский. Итальянский зодчий Аристотель Фиораванти и другие иностранные специалисты потрудились над внешним видом царских палат.

Великий князь Василий II Васильевич Тёмный. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Брак Ивана III с Софьей Палеолог придал Российскому государству отблеск величия павшей Византийской империи и

способствовал поднятию престижа страны. С прибытием византийской принцессы русский двор значительно расширился за счет иностранцев, это благоприятствовало ознакомлению русской элиты с европейской культурой и искусством.

Великому князю, сплотившему вокруг себя русские земли, не к лицу было оставаться данником Орды. Иван III не только освободился от длившегося несколько столетий монголо-татарского ига, но и попытался взять себе титул царя, что уравняло бы его в политическом статусе с ордынским ханом. Ни о чем подобном московские князья до Ивана III не могли и мечтать.



Великая княгиня Софья Палеолог. Реконструкция С. А. Никитина

Старое самоназвание страны – Русь – продолжало использоваться, но именно в правление Ивана III появляется сохранившееся до сих пор – Россия. Еще одним символом, восходящим к той эпохе, стал государственный герб с изображением двуглавого орла, с незначительными изменениями дошедший до нашего времени и знакомый каждому россиянину.

В целом в годы княжения Ивана Васильевича Россия обрела облик, дошедший с небольшими изменениями вплоть до Петровских реформ начала XVIII в. Однако основы, заложенные Иваном III, еще долгое время оставались важным камнем в фундаменте российской государственности.

* * *

Знакомясь с биографией Ивана III, неразрывно связанной с важнейшим периодом истории нашей страны, нельзя не сказать несколько слов о реалиях того времени, о людях, социальных группах и даже государствах, во взаимодействии с которыми ставились и решались судьбоносные для России вопросы в XV – начале XVI в.

Исторические источники той эпохи не дают нам точных цифр о населении русских земель. Исследователи сходятся на том, что в начале XVI в. в России проживали от 4,5 до 9–10 млн человек. Плотность населения была довольно скромной. Иван III в начале своего правления получил территорию не более 430 тыс. кв. км, за время своего княжения расширил ее приблизительно в шесть раз, и к концу правления Василия III Ивановича за счет завершения объединения всех русских земель площадь государственной территории достигла 2800 тыс. кв. км.

Великий князь Иван III на памятнике «Тысячелетие России». Великий Новгород. Скульптор М. О. Микешин. 1862 г.

Сословные группы, составлявшие русское общество, к тому времени находились в стадии формирования. Ближе всего к великому князю, обладавшему всей властью, были зависимые от Москвы, но еще сохранившие некоторую самостоятельность удельные и служилые князья. За ними шла княжеско-боярская

знать, обладавшая правом на занятие важнейших административных и военных постов. Оставшиеся привилегированные служилые люди были представлены многочисленными детьми боярскими, служившими как на местах, в уездах, так и в Москве. В правление Ивана III начинают вырисовываться контуры еще одного входившего в элиту социального слоя – дьяков и подьячих, в более поздний период известных как приказные люди. Они являлись профессиональными чиновниками-администраторами, трудившимися в приказах – органах центрального государственного управления, отдаленно напоминавших современные министерства.

Отдельную и неоднородную по своему социальному составу группу образовывало духовенство. Его высшие иерархи (митрополит, епископы, игумены и др.), принадлежавшие к числу черного духовенства, принявшего монашеские обеты, располагали значительными земельными владениями, были тесно связаны с представителями московского правящего дома и знатью. Благодаря этому они имели возможность оказывать влияние на внутреннюю политику государства, в том числе и для защиты собственных корпоративных интересов. Белое духовенство (священники) и обычные монахи не обладали значительными привилегиями и по своему экономическому положению недалеко ушли от крестьян и посадских людей.

Великий князь Иван III Васильевич. Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Основная масса населения была представлена зависимыми людьми, среди которых выделялись крестьяне и холопы. Крестьяне составляли большую часть сельского населения, и те из них, кто трудился на феодала, назывались владельческими. В XV в. процесс закрепощения крестьянства еще только начинался, поскольку первостепенной задачей оставалось объединение всех русских земель. Большей степенью свободы обладали черносошные крестьяне, которые, как следует из самого их названия, платили налоги государству. Не являясь лично зависимыми, они имели развитую самоорганизацию: во главе общины-мира находились сотники, старосты или другие выборные лица. Черносошное крестьянство было широко распространено на Русском Севере, в то время как владельческое – в центре и на юге.

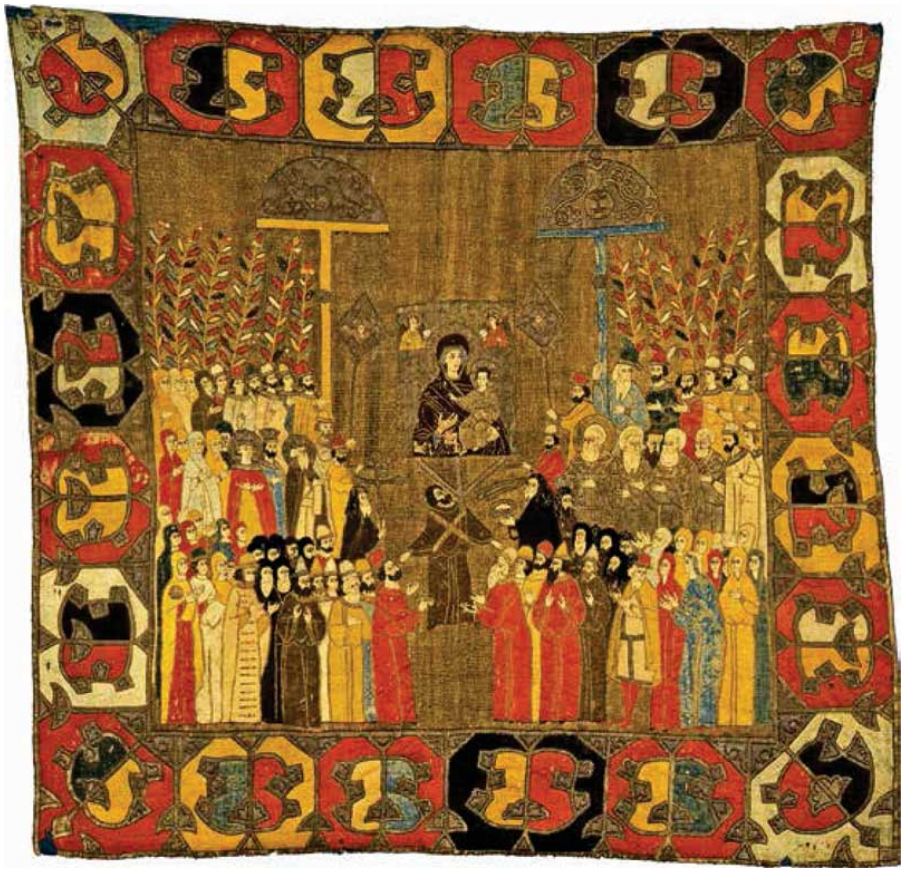
Холопы, по сути, являлись полной собственностью господ и мало чем отличались от рабов, но и они разделялись на две

неравнозначные группы. Одни находились на положении доверенных слуг, выполняли административные поручения или входили в вооруженную свиту их владельца, другие занимались сельскохозяйственным трудом и ремеслами.

Города в XV в. представляли собой административные, торгово-ремесленные и нередко военные центры. Точное их число сложно определить, тем более что в течение XV в. количество городов увеличивалось, а в начале XVI в. историки насчитывают около 140. В состав городского населения, помимо уже названных социальных групп, входили развивавшееся купечество и посадские люди, занимавшиеся ремеслом.

Большая часть населения проживала в селах и деревнях и возделывала землю. Деревни количественно преобладали над селами и включали в себя один-три двора. Существовали также пустоши (покинутые деревни) и починки (сельские поселения, основанные недавно). Село нередко являлось центром для нескольких деревень – здесь могли находиться церковь и представители местной администрации.

Несмотря на то, что изложенные выше сведения касаются прежде всего Московского княжества и зависимых от него территорий, они характерны и в целом для Руси, хотя отдельные русские земли отличались не только особенностями политического характера, но и специфическими чертами экономического уклада. Особо следует отметить две вечевые республики – Новгородскую и Псковскую, выделявшиеся на фоне других княжеств. Важнейшей их особенностью был республиканский строй, позволявший решать насущные вопросы, как правило, прямым голосованием свободных горожан, подверженных влиянию боярской элиты. Князь здесь не обладал сколь-нибудь значительной властью и играл роль лишь военного лидера, который как легко приглашался, так же легко и изгонялся вечем. Экономическое благосостояние Новгорода и Пскова зиждилось не только на сельском хозяйстве и ремеслах, но и на активной торговле с городами Прибалтики и Руси.

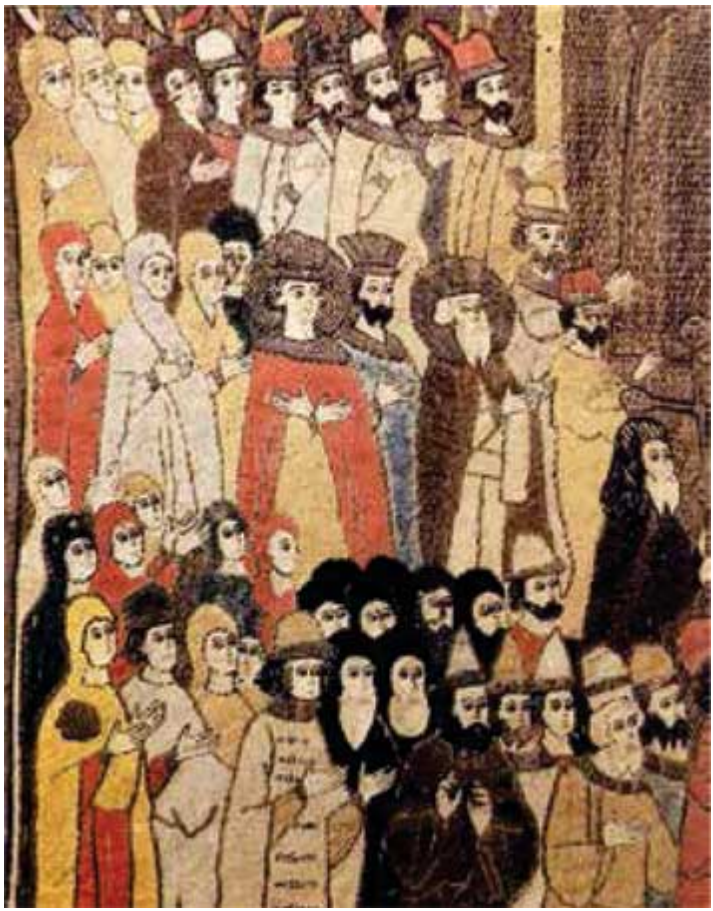


Семья великого князя Ивана III на пелене из мастерской великой Елены Волошанки

Великое княжество Московское и другие русские земли были тогда недостаточно известны в международной политике. Золотая Орда и ее ханы, почтительно именуемые в русских источниках царями, продолжали оказывать колоссальное влияние на политическую жизнь Руси, поскольку именно ордынский правитель давал ярлык на великое княжение, фактически решая, кому достанется пальма первенства среди русских князей. Продолжались и выплаты выхода (дани) татарам, а суверенитет хана считался непоколебимым. До княжения Ивана III осознанного стремления к независимости не прослеживается: все конфликты касались либо отдельных представителей власти Золотой Орды, либо тех, кто узурпировал власть, и их легитимность не признавалась (например, Мамай).

Великое княжество Литовское, в свою очередь, также активно влияло на жизнь и развитие русских земель. Это государство возникло в начале XIII в. и активно расширялось, претендуя на русские земли. Московское княжество, взяв на себя миссию по

объединению русских земель, вплоть до XVI в. не могло серьезно противостоять литовской экспансии, поскольку сначала само было ослаблено монголо-татарским игом, а потом боролось с другими претендентами на великое княжение. Лишь в первой половине XVI столетия в ходе нескольких русско-литовских войн в состав Руси вернулись Смоленск, Чернигов, Брянск, Новгород-Северский и т. д.



Семья великого князя Ивана III на пелене из мастерской великой Елены Волошанки. Фрагмент

Еще один факт имел большое влияние на Россию XV–XVII вв. Открытость государственных границ и их протяженность вместе с постоянной борьбой сначала за объединение русских земель, а потом отстаивание интересов страны во внешней политике привели к тому, что боевые действия велись очень часто. Учитывая регулярные стычки с татарами, становится ясно, сколь сильно было бремя, ложившееся на народ, прежде всего обеспечивавший армию. Мирные и спокойные годы были

редкостью, страна постоянно жила в напряжении.

Приблизительно таким был исторический контекст, в котором предстояло править Ивану III. В нем угадывается множество задач, поставленных ходом истории перед этим государем, не все они осознавались современниками, многие проблемы, напротив, возникали неожиданно и требовали оригинальных решений.

Цель нашей книги – рассказать о жизни Ивана III Васильевича, где личность самого правителя и судьба России оказались неразрывно связаны друг с другом.

Наследник великокняжеского престола

Вторая четверть XV века прошла в России под знаком феодальной войны между потомками Дмитрия Донского. В это время, как писал известный историк А. А. Зимин, «Русский Витязь, стоя на распутье, должен был выбрать свою Судьбу». Проблемы выбора касались многих сфер жизни. Русь все еще оставалась раздробленной, разделенной на многочисленные княжества. Именно победитель в феодальной войне должен был выступить объединителем русских земель, продолжив дело московского княжеского дома. Однако дело было не столько в личности князя-победителя, сколько в том, какой социально-экономический уклад будет использоваться в качестве базового для строительства единого государства. Русские княжества, одержавшие под эгидой Москвы победу на Куликовом поле в 1380 г., все еще оставались зависимыми от Золотой Орды, а Европа мало знала о далеких восточных землях, которым только предстояло выйти на широкую внешнеполитическую арену в составе единого государства. Наконец, от того, каким будет решение всех перечисленных проблем, зависел и культурный облик новой России.

Феодальная война первой четверти XV в. началась с династического конфликта после смерти Василия I. Согласно завещанию его отца Дмитрия Донского, следующим престол наследовал брат Василия I Юрий, князь Звенигородский и Галицкий. Дмитрий Донской, умирая, оставил такое завещание, поскольку Василий I тогда еще не был женат и не имел наследника. К моменту смерти у Василия I уже был девятилетний сын, вошедший в историю как Василий II. Именно он, по мысли своего отца, и должен был занять великокняжеский престол.

Юрий Звенигородский, недовольный намерением Василия I поступить вопреки завещанию Дмитрия Донского, в последний момент передумал присягать новому московскому князю, и, отправившись в Галич, развязал гражданскую войну. Поначалу превосходство было не на стороне Юрия, но и Москва нуждалась во времени, чтобы собрать силы для усмирения мятежного князя. В результате обе стороны пошли на заключение перемирия до 29 июня 1425 г., которое вскоре было нарушено московскими войсками, отправившимися в поход на Галич.

Казалось, что перевес в политической борьбе с юным Василием II находился на стороне Юрия, обладавшего не только

харизмой, но и полководческим талантом, на данном этапе феодальной войны судьба успеха решалась не военными действиями. Мать Василия II Софья была дочерью великого литовского князя Витовта, приходившегося по завещанию Василия I одним из опекунов княжича. Кроме того, внука Дмитрия Донского поддержали московская элита и удельные князья, которых Юрий Звенигородский безуспешно пытался переманить на свою сторону. В итоге в 1428 г. Юрий отказался от претензий на престол и признал своего племянника «старшим братом», тем самым подтвердив его старшинство.

Помощь Витовта своему внуку не была безвозмездной и сулила неприятности для русских земель. Великий литовский князь стремился расширить зону влияния, куда прежде всего он хотел включить Новгород и Псков. Военные походы войск Витовта на эти города вынудили их выплатить значительную денежную контрибуцию и позволили литовским представителям участвовать в управлении Псковом и Новгородом. Витовт перехватил инициативу и на южном направлении, убедив рязанского и пронского князей признать его старшинство и даже вступить в военный союз с Великим княжеством Литовским. Трудно предположить, какие последствия могла иметь столь активная политика Витовта по защите интересов своего государства на территориях, которые Москва считала своей сферой влияния, если бы смерть не прервала экспансию великого литовского князя в 1430 г.

После кончины покровителя Василия II между Литвой и Польшей вспыхнул конфликт, переросший вскоре в гражданскую войну, чем немедленно воспользовался Юрий. Обделенный внутренними союзниками, он решил обратиться в Золотую Орду, ожидая, что хан отдаст ярлык на великое княжение именно ему. После годичного пребывания дяди и племянника в Орде хан встал на сторону Василия II, и теперь Юрий, исчерпав другие средства, надеялся лишь на силу своего оружия.

И все же для начала военных действий был необходим предлог, поскольку, повинуясь решению хана, Юрий в очередной раз признал старшинство Василия II. Поводом стал инцидент с поясом на свадьбе Василия II с Марией Ярославной (среди потомства которой увидит свет и Иван III) в 1434 г. На торжестве среди прочих были дети Юрия Звенигородского – Василий Косой и Дмитрий Шемяка. Один из московских бояр, по свидетельству летописи, узнал на Василии Косом золотой пояс («на чепи с каменьем»), принадлежавший еще Дмитрию Донскому, следовательно, являвшийся собственностью великокняжеской казны. Мать Василия II Софья Витовтовна без лишних

разбирательств и церемоний сорвала драгоценность с сына Юрия Звенигородского. Оскорбленные княжичи немедленно покинули Москву и направились к отцу, который, узнав о произошедшем, вскоре принялся готовиться к походу.

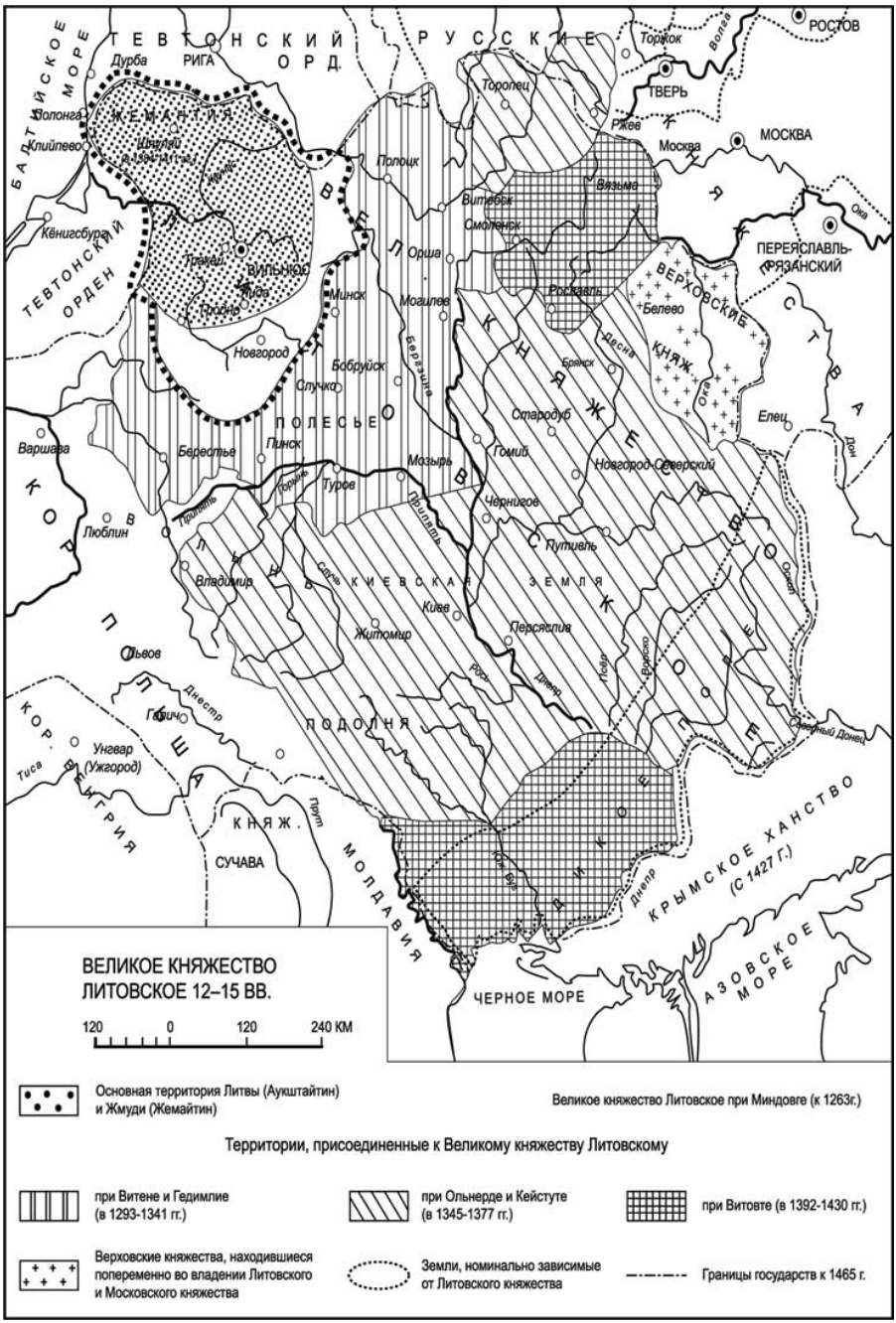
Между тем в Москве не придали скандалу особого значения, и поэтому весть о наступлении ратников Юрия Звенигородского и его сыновей застигла великого князя и его приближенных врасплох. Но быстрой победы ни одной из сторон достичь не удалось. И если на поле брани успех был на стороне Юрия, опиравшегося в основном на свои силы, то молодой Василий II боролся за свои права с помощью союзников. Показательным было поведение князей, бояр, дворян и детей боярских, служивших Москве, после занятия Юрием великокняжеского престола в 1433 г. Все они поехали в Коломну, полученную в удел Василием II, ибо не привыкли «служить уделным князем», которым, по их мнению, все еще оставался Юрий Звенигородский.

Все-таки политический и военный опыт звенигородского и галицкого князей перевесил сопротивление Василия II, и, завершив непродолжительную осаду Москвы, Юрий второй раз вступил на великое княжение. Положение Василия II, на стороне которого никто не хотел сражаться, казалось безнадежным, и ему оставалось лишь искать помощи в Золотой Орде, надеясь, что хан поддержит его в борьбе против Юрия, занявшего престол вопреки воле ордынского царя.

Став великим князем, Юрий нацелился на укрепление собственной власти и единодержавия, поставив себя еще выше над своими союзниками-князьями, начал монетную реформу и, вероятно, намеревался бороться за дальнейшее объединение русских земель и освобождение их от монголо-татарского ига. Остается лишь догадываться, каковы могли быть последствия такой широкой политической программы Юрия Дмитриевича, если бы не скоропостижная кончина через несколько месяцев после столь долгожданной победы.

Несмотря на смерть основного соперника Василия II, гражданская война не только не завершилась, но и приняла новый неожиданный поворот. Василий Косой, старший сын Юрия Дмитриевича, самовольно занял место отца, вызвав неудовольствие своих братьев, желавших видеть великим князем их недавнего соперника Василия II. Силами Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного Василий II снова пришел к власти в Москве, не забыв наградить союзников. В 1436 г. Василий Косой потерпел поражение и был ослеплен, что должно было нейтрализовать его как потенциального политического оппонента. Оставшиеся сыновья Юрия Звенигородского в очередной раз признали власть

Василия II, сохранив при этом полученные ранее земельные пожалования.



Великое княжество Литовское в XII–XV вв.

Равновесие, достигнутое предыдущими межкняжескими договорами, длилось пять лет, вплоть до 1441 г. Именно в эти

спокойные годы 22 января 1440 года великий князь московский Василий II во второй раз стал отцом, и на свет появился будущий государь Иван III.

Царь Иван III. Художник П. Г. Сергеев

О детстве юного государя известно мало. Сложная эпоха, во время которой он появился на свет, оставила о себе более

глубокий след в источниках. Борьба за власть между потомками Василия I и в особенности ослепление отца Ивана III, а также пребывание в плену у Шемяки, а потом и в тюрьме вместе с отцом должно было врезаться ему в память.

Положение в семье Василия II не обещало, что однажды Иван займет престол его отца. Однако летописцы зафиксировали, что многие современники пророчили ему большое будущее. Монах Михаил из Новгородского Клопского монастыря предрекал, что, возмужав, Иван принесет погибель независимому Новгородскому государству, которое падет и станет частью Москвы. Конечно, подобное предание могло быть выдумано уже после победоносных походов Ивана III на Великий Новгород, но нельзя отрицать, что жители одного из крупнейших городов давно с тревогой ждали решения своей судьбы и, очевидно, опасались могущественного соседа в лице Москвы.

Когда Ивану не исполнилось еще и года, произошел новый конфликт между Василием II и Дмитрием Шемякой, выступавшим на этот раз без поддержки брата – Дмитрий Красный уже умер. Столкновение было неизбежно – не важно, кто именно занимал великокняжеский престол, он в любом случае стремился к объединению русских земель и к их централизации. Это означало постепенное ущемление, а затем и лишение политических прав удельных князей. Дмитрий Шемяка уже успел ощутить постепенное усиление вмешательства Москвы в его дела.

Первый поход Д. Шемяки на Москву закончился вынужденным примирением с великим князем. В конфликт вмешалась Русская православная церковь, последовательно поддерживавшая Василия II. За московского правителя в этот раз хлопотал игумен Изосима, возглавлявший Троице-Сергиев монастырь, к которому на Руси питали большое почтение. Помимо авторитета церковного иерарха, замять дело помогли и уступки со стороны государя – один из союзников Шемяки получил Суздаль.

Новый акт междоусобной войны начался неожиданно, когда великий князь, потерпев поражение от татар и оказавшись в плену, откупился, пообещав баснословную сумму денег. Вместе с Василием II на Русь прибыли сборщики-татары, росло недовольство населения тяжестью непредвиденного побора. Воспользовавшись падением авторитета своего двоюродного брата, Дмитрий Шемяка принялся собирать союзников, убеждая их возможностью избавления от навязанных перед татарами обязательств. Действуя быстро и решительно, заговорщики захватили отправившегося на богомолье Василия II и ослепили его в феврале 1446 г., отчего тот получил в исторической

традиции прозвище Темный. Пленного князя в дальнейшем заставили дать клятву – никогда больше не оспаривать власть Шемяки. Так для него закрыли путь на великокняжеский престол.

Свержение Василия II имело печальные последствия для его семьи. Иван и Юрий Васильевичи находились вместе с отцом на богомолье в Троице-Сергиевом монастыре. Сторонники великого князя надежно укрыли их там, а потом вывезли в Муром. Мать Василия II, к тому времени вступившая в преклонный возраст, отправилась в ссылку в Чухлому.

Вступив в Москву триумфатором, Дмитрий Шемяка не смог удержать полученную власть. Очевидно, ему было далеко до своего отца, сочетавшего в себе качества не только хорошего воина, но и расчетливого политика. Наряду с глухим недовольством звучали голоса и тех, кто открыто выступал против сына Юрия Звенигородского. Дмитрий Шемяка не видел угрозы со стороны Василия II, его больше тревожили осевшие в далеком Муроме дети низложенного великого князя. Прибегнув к помощи рязанского епископа Ионы, в епархии которого располагался Муром, Шемяка уговорил князей Ряполовских выдать ему Ивана и Юрия, обещая наделить их подобающими земельными владениями и другим жалованьем.

В результате 6 мая 1446 г. в Переславле сыновья Василия II встретились с Дмитрием Шемякой, человеком, искалечившим и лишившим власти их отца. Прием был холодным, ни одна из сторон не имела причин испытывать друг к другу теплые чувства. Вручив подарки, Шемяка отправил братьев в заточение в Углич. Очередная ссылка, вероятно, воспринималась несколько легче детьми, увидевшими наконец родителей. В Угличе к тому времени уже находились Василий II и его супруга, здесь же в августе 1446 г. у них родился третий сын Андрей.

Ѧ в среду на Пасхи в женѣ ночь, ослѣп
Ѧ пришед Шемяка князь, и послаша
его на Углеч поле, и ослѣпиша его,
и митрополиту Іоникию и сыну послаша
шапку и хлопу

Ослепление великого князя Василия II Васильевича Тёмного. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.

Изоляция бывшего политического оппонента и его семьи не помогла укреплению положения Дмитрия Шемяки. Отстоять власть силой он не мог, пришлось прибегнуть к более дипломатичным методам, тем более решение лежало на

поверхности. Уже знакомый нам рязанский епископ Иона, став митрополитом, активно уговаривал Шемяку исполнить обещание и освободить Василия II с семьей. В Угличе в торжественной атмосфере состоялось примирение Дмитрия Шемяки и Василия II. Простив друг друга со слезами на глазах и целовав крест, они вместе отправились на организованный к случаю пир. Бывший пленник, его жена и дети получили подарки и отъехали в Вологду, ставшую теперь вотчиной слепого князя.

Вынужденный мир не положил конец недовольству бояр и детей боярских, а увечье и многочисленные унижения не сломили Василия II. Прошло немного времени, и игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон освободил Василия II от клятвы, принесенной по принуждению. Его новым союзником стал тверской князь Борис Александрович, пятилетняя дочь которого была помолвлена с семилетним Иваном III в 1457 г. Даже современникам не приходилось сомневаться в политическом характере запланированного брака. Жители соперничавших городов – Москвы и Твери, согласно летописи, радовались их символическому единению, а Василий II и Борис Александрович Тверской, по образному выражению, «воедино совокупишася (объединились. – *А. В.*)».

«В Московском Кремле». Художник А. М. Васнецов

Сражение за Москву так и не состоялось – многие московские ратники остались верны Василию и переходили на его сторону, а

потому Дмитрий Шемяка, не доверяя войску, отступил на север. После взятия Галича, являвшегося вотчиной его отца Юрия Дмитриевича, Шемяка перестал представлять реальную угрозу. Завершилась же феодальная война в 1453 г., когда нашедший пристанище в Великом Новгороде Дмитрий Шемяка умер, съев курицу, отравленную поваром по приказу московского князя.

Впрочем, незадолго до смерти Шемяки в 1452 г. Василий II предпринял против него поход, ставший боевым крещением для двенадцатилетнего Ивана III. Наследник великокняжеского престола, руководивший отдельным отрядом, прикрываемым основными силами, посланными на Великий Устюг, должен был захватить небольшую крепость Кокшенгу. Сопровождаемый опытными воеводами, княжич «городок Кокшенский взял и кокшаров секл (убил. – *А. В.*) множество».

В России той эпохи полагали, что уже с 15 лет отрок был готов к несению военной и иной службы, другими словами, в этом возрасте он становился совершеннолетним. Ничто не мешало юноше считаться взрослым и до достижения пятнадцатилетия, если он поступал на службу, как это и случилось с Иваном III. Оттого неудивительно, что вскоре после возращения из своего первого похода он, следуя договору между их родителями, женился в Твери на десятилетней дочери местного князя Марии Борисовне 4 июня того же года.

Мария Борисовна, жена великого князя, была женщиной спокойной и послушной, или, как записал летописец, «христолюбивой, доброй и смиренной», а спустя столетие Андрей Курбский (знаменитый перепиской с внуком Ивана III – Иваном Грозным) назвал ее святой. Княгиня подобно многим женщинам того времени занималась рукоделием. В Государственном музее Московского Кремля хранится пелена, скорее всего, связанная с мастерской Марии Борисовны.

За несколько лет до смерти отца в 1458 г. у Ивана III и Марии Тверской родился сын. По свидетельству летописи, первенец появился на свет в среду 15 февраля, в день памяти великомученика Федора Тирона, в первую неделю Великого поста, и был назван в честь Иоанна Крестителя, поминавшегося 24 февраля, когда он, вероятно, и был крещен. В источниках сын Ивана III получил прозвание Молодого, поскольку рано ушел из жизни.

С того момента, как Василий II вступил в Москву, его сын Иван стал рассматриваться как наследник престола. Еще до смерти отца он в некоторых документах (например, в Яжелбицком мирном договоре 1456 г. с Новгородской республикой) называется «великим князем», ему поручаются все

более серьезные и ответственные задания. В 1459 г. Иван III совершил свой первый крупный самостоятельный поход против татар, регулярно нападавших на Русь. Успех их набегов отчасти зависел от того, удастся ли степнякам быстро пересечь реку Оку, представлявшую серьезное естественное препятствие для конницы. Миссия Ивана Васильевича, заключавшаяся в том, чтобы не допустить этого, увенчалась успехом – ордынцы не смогли вторгнуться на русские земли и вернулись обратно без пленных и награбленных ценностей. Современники по достоинству оценили победу, а митрополит Иона в честь радостного события приказал возвести придел к Успенскому собору – церковь Похвалы Богородицы.

В знак доверия к наследнику Василий II оставил его за старшего в Москве, отправившись вместе с сыновьями Юрием и Андреем в Великий Новгород на переговоры. Визит к новгородцам самого великого князя с детьми был рискованным предприятием, поскольку местные власти недолюбливали московских князей, усматривая в их амбициях угрозу республиканскому строю Новгородской земли. И действительно, в тот раз на городском вече созрел заговор, цель которого состояла в убийстве Василия II с детьми. Когда разъяренная толпа пришла к резиденции великого князя, казалось, что беды не миновать. Намечавшуюся расправу, как и подобает подлинному христианскому пастырю, предотвратил новгородский архиепископ Иона, причисленный в середине XVI в. к лику общерусских святых. Один из самых веских аргументов святителя содержал в себе предупреждение о последствиях убийства – «сын бо его болшей, князь Иван… пойдет на вы, и вывоюет землю вашу всю».

Март 1462 г. оказался непростым месяцем. Впервые после победы над Дмитрием Шемякой вскрылся серьезный заговор с участием бывших удельных князей, эмигрировавших в Литву. Мятежники даже закрепили свои намерения в особом договоре, где они делили шкуру неубитого медведя. Их замысел шел дальше смены великого князя, заговорщики хотели реанимировать систему уделов и обеспечить гарантии их дальнейшей неприкосновенности. С исторической точки зрения это был значительный регресс, перечеркивавший купленные дорогой ценой результаты объединительной политики московских князей.

Разгневанный Василий II жестокими казнями изводил крамолу, по сообщению летописца, столица еще не видела таких жестоких и масштабных расправ. В марте же великий князь заболел «сухотной болезнью» (туберкулезом), прикладывание

зажженного трута к ранам не только не помогло, но и вызвало их нагноение. Составленная перед смертью духовная грамота (завещание) говорит о том, что отец Ивана III уже не надеялся на выздоровление.

Василий II Темный ушел из жизни 17 марта 1462 г. Он оставил после себя непростое наследие. Вероятно, так же обстояло дело и с общественным мнением, выразителями которого выступают летописцы, не составившие сколь-нибудь значительного некролога, а в одной из поминальных монастырских книг рядом с заметкой о кончине великого князя было добавлено: «Июда душегубец, рок (час. – *А. В.*) твой пришел».

Несомненно, правление Василия II не было ни спокойным, ни легким для его подданных. Он завещал своему наследнику не только неурядицы, но и заделы для внутренней и внешней политики, задачи, которые предстояло решать юному правителю.

Начало самостоятельного правления

Завершив борьбу с Дмитрием Шемякой, Василий II сделал все возможное, чтобы у его подданных не осталось и тени сомнения в правах его преемника. Дмитрий Донской, как мы помним, сам того не желая, посеял вражду между потомками одной из формул своего завещания, ставшей поводом к долгой и тяжелой феодальной войне второй четверти XV в. Василий II учел опыт деда, и по его наказу в духовной грамоте было четко прописано – «а сына своего старейшего, Ивана, благословляю своей отчиною, великим княжением». Это первый случай, когда московский князь столь решительно, без оглядки на Орду, распоряжался великим княжением. Кроме того, в наследство от отца Иван III получил больше земель, чем кто-либо из его предшественников.

Завершившаяся династическая смута обещала мир и покой будущему правлению Ивана III. На самом же деле конфликты между представителями правящего дома уходили своими корнями в сущность удельной системы. Ее традиции не стал нарушать и Василий II, от которого младшие братья Ивана Васильевича унаследовали 11 городов с уездами. Каждый из них получил земли не просто во владение, но и в удел. Удельный князь обладал наиболее широкими правами в отношении своих владений, в них он вершил суд и правил без ограничений. Итак, Василий II, при жизни боровшийся за объединение русских земель, с одной стороны, постарался учесть уроки феодальной войны, а с другой, оделив четверых младших сыновей уделами, создал возможность для возникновения новых конфликтов. Едва ли отец Ивана III осознавал противоречивость своих поступков, действуя в рамках традиции, переломить которую он пока не мог.

Исполнив последнюю волю отца и дав братьям уделы, он обозначил свое вступление на трон чеканкой золотых монет. На аверсе такой монеты изображен воин с секирой, а на реверсе – имена Ивана III и его сына Ивана Молодого. Эта акция носила еще и внешнеполитический характер, поскольку некоторые из монет были направлены в Италию ко двору.

Историки давно отметили, что, придя к власти, Иван III не поспешил в Орду к хану за ярлыком на великое княжение. Многое изменилось с XIV в., когда даже Дмитрий Донской, одержавший победу на Куликовом поле, не посмел открыто игнорировать волю хана. Московские князья за прошедшие полвека стали сильнее, а вот Орда переживала не лучшие времена. Уже в середине XV в. Золотая Орда перестает существовать, распавшись на ряд государств, среди них стоит отметить Большую Орду,

сохранившую наибольший авторитет, а также Казанское, Крымское, Сибирское ханства и Ногайскую Орду.

За два года до вокняжения Ивана III в Большой Орде к власти пришел Ахмат. Мечтой амбициозного хана стало, хотя бы частичное, восстановление величия Золотой Орды, из чего неизбежно следовало столкновение интересов московского великого князя и татарского правителя.

Не все было спокойно и внутри страны. Москва с 1460 г. фактически подставила Псков под контроль своих наместников. Первый администратор из столицы оставил о себе добрую память, а вот второй – ростовский князь Владимир Андреевич, что называется, не сошелся характером с псковичами. В итоге вече прогнало оскорбленного князя, отправившегося искать правды в Москву. Нестроения коснулись и церкви. Незадолго до кончины Василия II кафедру занял новый митрополит – Феодосий. Он стал первым митрополитом, утвержденным великим князем, а не Патриархом Константинопольским. Многие из православных церковных иерархов не признавали его, а сам святитель отличался крутым нравом и начал бескомпромиссную борьбу за повышение нравственного и образовательного уровня духовенства.

В этой обстановке Иван III не прекращал шаг за шагом вести политику объединения русских земель. Василий Иванович Рязанский, детство и юность которого прошла в Москве, заняв рязанский престол, женился на сестре Ивана Васильевича Анне, поддерживавшей тесные отношения с братом и часто гостившей у него, а ее сын, будущий рязанский князь Иван, даже родился в Москве. Так происходило медленное сближение Рязани и Москвы.

«Московский Кремль при Иване III». Художник А. М. Васнецов

В 1463 г. Ивану III удалось выкупить права на владение Ярославским княжеством, куда был назначен наместником из Москвы боярин князь Иван Васильевич Стрига Оболенский. С самостоятельностью Ярославского княжества было покончено, хотя его князь Александр Федорович вплоть до своей смерти в 1471 г. номинально возглавлял княжество и даже обладал правом чеканки собственной монеты. В 1474 г. все тем же путем выкупа присоединили и Ростовское княжество.

На примере Ярославского княжества хорошо видно, что присоединение представляло собой не просто формальный акт. На землях, входивших в состав Великого княжества Московского, следовало установить новые порядки, по возможности подчинить и ослабить бывших удельных князей. Ярославский наместник, как свидетельствуют источники, отбирал «добрые» села и деревни и переписывал на Ивана III, а когда дело касалось мелких служилых людей – бояр и детей боярских, он зачислял их на службу московскому государю, тем самым разрывая старые связи между удельными князьями и местными служилыми людьми. Стрига Оболенский, лишая сил местных вотчинников, также переманивал крестьян из феодальных владений на земли великого князя на выгодных условиях. Впрочем, окончательно ликвидировать вековой порядок Ивану III было не под силу, поэтому, например, все те же ярославские князья еще долгое время сохраняли обширные владения в землях, где они когда-то

правили единолично.

Постепенно решались и менее значительные проблемы. Иван Васильевич наладил отношения с Псковом. Великий князь дипломатично пожаловал псковичей, предложил им «которого князя хощите, и яз вам того дам». Новый наместник кн. И. А. Звенигородский пришелся горожанам по нраву. Крепкий союз с Псковом увеличивал шансы Ивана III на победу в противостоянии с Великим Новгородом. Время внесло ясность и в проблемы церкви. Митрополит Феодосий, настроив против себя духовенство и не получив поддержки великого князя, вынужден был уйти в 1464 г. Новым митрополитом стал епископ суздальский Филипп.

В конце 60-х гг. ухудшились отношения с Казанским ханством, несмотря на подписанный еще при Василии II мир. Читателю хорошо известно, что Казань вошла в состав России при Иване Грозном в середине XVI в., однако при Иване III такое решение было не из разряда реалистичных. Целью военных конфликтов с Казанью являлась помощь одному из лояльных Москве претендентов на ханский престол.

Походы 1469 г. против Казани представляют особый интерес. Дело даже не в результате кампании, завершившейся успехом, а в ее организации, где, по замечанию Ю. Г. Алексеева, проявились первые «черты характерного стратегического почерка Ивана Васильевича». Летописец, вероятно, опираясь на недошедшие до нас официальные документы, подробно описал сбор войск, движение их к месту сбора, деление на полки. Иван III в этом походе не вел воинов вперед, напротив, он находился далеко от действующей армии, планируя поход, осуществляя общее стратегическое планирование и оставляя тактические решения опытным и доверенным воеводам. Такая форма управления вооруженными силами, как покажут будущие войны, превосходила по эффективности старую модель и, по сути, являлась оптимальной для большого единого государства.

В первые годы правления произошло и горькое для великого князя событие – в 1467 г. при странных обстоятельствах ушла из жизни его супруга Мария Тверская. Ранняя смерть двадцатипятилетней великой княгини дала почву для обширных слухов.

Сейчас крайне сложно установить, что же случилось на самом деле. Дурная весть застала Ивана III в Коломне. Марию Борисовну хоронили поспешно в отсутствие мужа, и все же современники отметили, что тело ее «разошлося», увеличившись в размерах, чего не мог скрыть погребальный покров. В Москве поговаривали о причастности к ее смерти жены дьяка Алексея Полуектова

Натальи. Она, если верить сплетникам, по просьбе великой княгини, мечтавшей о втором ребенке, обращалась к ворожеям, чтобы те заговорили ее пояс. История эта дошла и до государя. Иван III наказал ворожею, приписав ей наведение порчи, но оставил без внимания тех, от кого, по слухам, исходила инициатива отравления. Впрочем, несколько позже Алексей Полуектов попал в опалу и долгие шесть лет не показывался при дворе. Историкам остается лишь гадать, кто в действительности желал смерти доброй и смиренной Марии, к тому еще и не интересовавшейся политикой.

Хотя государь успел обзавестись наследником (им был Иван Молодой), необходимость второго брака как предприятия государственного значения не подвергалась сомнению. Московские князья часто брали в жены представительниц русских княжеских родов, но следующей супругой Ивана III станет иностранка. 11 февраля 1469 г. в Москву прибыл грек Юрий Траханиот, представлявший кардинала Виссариона, в своем послании он предлагал проект брака с византийской царевной.

Софья, или Зоя Палеолог, так ее называли на родине, приходилась внучкой византийскому императору Мануилу II и была племянницей последнего правителя этой древней империи – Константина XI. Особой территорией для династии Палеологов была Морея (современный Пелопонес), являвшаяся их личным владением. На этом полуострове родилась и выросла Зоя.

Печать великого князя Ивана III

Ее отец Фома Палеолог не пришел на помощь императору Константину, когда турецкий султан захватил Константинополь. Хотя он и сохранил свой статус деспота (правителя) Мореи, но

захват турками и этой территории был всего лишь вопросом времени. 28 июля 1460 г. Фома и его семья покинули родовое владение и отправились в Рим просить покровительства у Папы. Жизнь на чужбине, обеспеченная не самым большим пансионом одного из кардиналов, негативно сказалась на семье. Уже через пять лет Фома и его супруга умерли, оставив младших братьев на попечении взрослой Софьи.

Положение юных отпрысков, в жилах которых текла императорская кровь, ухудшилось. Католические иерархи, заинтересованные в обращении их в свою веру, оказывали давление на Софью. Основным рычагом, конечно, была финансовая зависимость юной Софьи и ее братьев. Покровители признавали их знатность, но требовали «подражать латинянам», обещая взамен достойную и обеспеченную жизнь.

Несомненно, византийская принцесса тяготилась таким положением. Удачное замужество могло бы решить ее проблемы. Юная Зоя не обладала приданым, и это в будущем поставит крест на некоторых матримониальных проектах ее покровителей. В связи с желанием выдать Софью замуж до нас дошли первые описания ее личности. Итальянские современники утверждали, что она была невысокого роста, полновата, но обладала красивыми карими глазами и белой кожей. Среди других ее добродетелей указывались благонравие, тонкий ум и любовь к рукоделию.

Шапка Мономаха

Очень интересное, но противоречивое сообщение о внешности и манерах Софьи оставил итальянский поэт Луичжи Пульчи в письме Лоренцо Великолепному: «…подбородок двойной, щёки толстые, всё лицо блестело от жира, глаза распахнуты, как плошки… ноги тоже далеко не худенькие, таковы же и все прочие части тела». Подобное описание не должно смущать читателя, поскольку Пульчи намеренно искал недостатки в прелестях Софьи для создания комического эффекта, желая повеселить своего знатного покровителя. Византийская принцесса, похоже, произвела приятное впечатление на итальянцев. Это признавал и притворно возмущавшийся Пульчи, когда писал, что один из его спутников залюбовался губами Софьи, а «твоя жена (супруга Лоренцо Великолепного. – *А. В.*), будто заколдованная, увидела в этом чудище в женском обличье красавицу».

Грановитая палата – памятник Московского кремля, построенный итальянскими архитекторами по указуИвана III

О внешности Софьи известно и из других более надежных источников. Исследование останков княгини установило, что она была невысокого роста (160 см), полная, а биологический ее возраст на момент смерти составлял 50–60 лет. Реконструкция антрополога Герасимова позволила создать скульптурный

портрет супруги Ивана III, черты лица которой подчеркивают властный и волевой характер великой княгини.

Несколько раз безуспешно попробовав выдать замуж Софью, кардинал Виссарион решил попытать счастья с московским великим князем. Это было особенно актуально для католических иерархов, поскольку они пытались найти союзников для борьбы с турками, в том числе через унию с православными.

1 февраля 1469 г. в Москву из Рима прибыло посольство, в его состав, помимо представителей Виссариона, входили итальянский мастер Джан Батиста Вольпа, известный по русским источникам как Иван Фрязин, и некоторые его родственники. Великий князь рассмотрел брачное предложение на особом совете, где, помимо бояр, присутствовали митрополит Филипп и мать великого князя Мария Ярославна. Нам ничего не известно о чьих-либо возражениях в ходе обсуждения, однако по всему можно предположить, что кандидатура Зои едва ли вызвала чье-либо серьезное противление, поскольку ее происхождение было необычайно знатным, особенно в сравнении с русскими княжнами, а внешность невесты описывалась в комплиментарных тонах. Немаловажно и то, что Виссарион сообщал о православном вероисповедании Зои.

В реальности же заключение брака не было столь быстрым, как может подумать читатель. Обремененный внутриполитическими проблемами Иван III не торопился направить ответное посольство в Рим. Здесь не стали дожидаться действий великого князя и организовали приезд племянника Ивана Фрязина Антония и венецианского посла Тревизана. Они не только привезли написанный к случаю портрет невесты, но и особую грамоту от Папы, позволяющую русским дипломатам беспрепятственно проезжать по странам Европы в течение ряда лет.

Великий князь еще раз собрал совет в известном составе. И вновь им было получено одобрение, результатом которого стало посольство, отправившееся в Рим 16 января 1472 г. Папа Сикст помпезно принял послов далекого Московского государства и, обходя молчанием вопрос о вероисповедании, говорил об Иване III как об основном союзнике против турецкого султана. Чтобы задобрить Ивана III, невесте выделили даже денежную сумму в качестве приданного. Кортеж Зои насчитывал, помимо русских послов, немало и итальянцев, в дальнейшем поступивших на русскую службу.

11 октября 1472 г. Софья вместе с окружавшей ее делегацией вступила в Псков. Жители этого древнего города радушно приняли свою будущую государыню, о чем свидетельствует

особое летописное сообщение. Милостиво приняв дары и челобитную псковичей, облачившись в царские одежды, почтила местные святыни и присутствовала на литургии в Троицком соборе. С таким же энтузиазмом приветствовали ее и в Великом Новгороде, где она получила благословение от самого архиепископа Феофила.

Въезд в Москву был обозначен любопытным эпизодом, во время которого епископу Бонумбре запретили ввозить католическое распятие на территорию Москвы. Тут же епископ понял, сколь трепетно в российской столице относятся к вопросам веры. Поэтому представитель Папы не только отказался от богословского спора, но и в дальнейшем в Риме еще сильнее сместили акцент с церковной унии на антитурецкий военный союз.

С момента прибытия Зои в Москву 12 ноября 1472 г. русские источники начинают именовать ее Софьей. Это дало основание некоторым историкам утверждать, что московский митрополит Филипп еще раз перекрестил ее в православную веру, чтобы удостовериться, что будущая супруга доподлинно православная.

Иван III, видимо, с нетерпением ожидал Софью, поэтому ряд обычаев не был соблюден, практически в день ее приезда их обвенчали в Успенском соборе. Повествуя об этом событии, официальный летописец с удовольствием заметил, что невеста была внучкой византийского императора Мануила и родственницей двух других правителей великой империи. В честь свадьбы Софья заказала у итальянских мастеров наперсный крест-мощевик, на одном из его лепестков был изображен Иоанн Милостивый, в день памяти которого и состоялась свадьба.

Вскоре после приезда Софьи в Москву случился скандал, в котором проявился крутой нрав Ивана III. Прибывшие с невестой итальянцы с удивлением сообщили великому князю, что живущий в Москве венецианский посол Тревизан был направлен с дипломатической миссией в Орду. Расследование показало, что Иван Фрязин подговорил Тревизана не передавать подарки, предназначавшиеся для Ивана III, а назваться своим родичем и представить дело так, что Тревизан прибыл в Москву по своим личным интересам.

После свадьбы Софья постепенно устраивала свою жизнь в Москве. Известно, что большинство лиц, входивших в ее кортеж, в дальнейшем же вошли в ее двор. С другой стороны, по сообщениям Контарини, Иван Молодой, сын Ивана III от первого брака, сразу же невзлюбил свою мачеху, вероятно, опасаясь, что ее потомство оспорит его права на престол. Венецианский посол также сообщал, что он рассердил отца своим непочтительным

отношением к Софье.

25 марта 1479 г. Софья родила мальчика, а до этого она уже дала жизнь нескольким девочкам. Младенца окрестили в честь Василия Парийского. Пройдет 26 лет, и он взойдет на московский престол и останется в истории под именем Василия III. Через год 23 марта 1480 г. появился на свет и второй их сын – Юрий. Всего родила она Ивану III девятерых детей – пятерых сыновей и четырех дочерей.

В 1483 г. Софья, сама того не желая, спровоцировала скандал при дворе. Великой княгине удалось сосватать свою племянницу за Василия Михайловича, сына Верейского удельного князя. Невеста Мария, как и Софья прежде, не имела никакого приданого, кроме славного происхождения. Вероятно, проникшись сочувствием к бедной родственнице, она подарила ей украшения первой супруги Ивана III Марии Борисовны Тверской.

До поры до времени об этом поступке не было известно. Самоуправство Софьи стало явным, когда государь пожелал одарить супругу Ивана Молодого Елену Волошанку, родившую сына Дмитрия. Подарком должны были стать в том числе и украшения матери Ивана Молодого. После непродолжительных поисков выяснилось, что Софья раздала не только эти, но и другие ценности своему брату и племяннице.

Семейный скандал привел к неожиданным последствиям. Разгневанный великий князь не только отчитал супругу, но и арестовал всех греческих ювелиров, помогавших Софье. Более того, Иван III был полон решимости бросить в темницу ни в чем не повинного сына верейского князя Василия Михайловича. Однако тот был вовремя предупрежден и вместе с женой нашел убежище в Польше. Ярость великого князя обрушилась на престарелого князя Василия Михайловича, его вынудили отказаться от большинства своих владений в пользу Ивана. Несчастному отцу запретили поддерживать какие-либо контакты с сыном.

Софья и ее приближенные играли важную роль в придворной жизни, влияя на судьбу государства. В последние полтора десятилетия правления Ивана III она даже активно включилась в соперничество между возможными наследниками государя и возглавила одну из политических партий при дворе. Этот сюжет мы рассмотрим подробнее в последней главе нашей книги. Сейчас же важно сказать о влиянии Софьи и ее сторонников в целом на политику.

На Руси и в XV столетии, и позднее относились к грекам двойственно. Уважение сочеталось в умах русских людей со

стереотипом о греческом лукавстве, в котором соединялись и хитрость, и лесть, и коварство. Некоторые сановники прямо связывали упадок традиций и изменение отношения великого князя к своим советникам с приездом Софьи и ее соотечественников. Сын великой княгини Василий III по-иному относился к верхушке правящей элиты, решая все дела «сам-третей у постели», то есть приватно, в узком кругу приближенных. Такое самовластие вызывало недоумение у придворных старой закалки, идеалом для которых являлся Дмитрий Донской, чтивший и прислушивавшийся к окружавшим его боярам.

Слухи утверждали, что она «была весьма хитра и под влиянием ее князь много делал», например, Софья убедила Ивана III тверже отстаивать независимость от татар. В отличие от других великих княгинь она могла позволить себе общение с венецианским послом и даже по-хозяйски распоряжаться, хотя и не безнаказанно, не принадлежавшими ей драгоценностями из казны.

Наконец брак с наследницей византийского правящего дома стал поводом для появления в 1497 г. печати с двуглавым орлом, способствовал формированию идеологической концепции «Москва – Третий Рим» и общему повышению международного статуса России.

* * *

Вступив на престол в возрасте 22 лет, Иван Васильевич по меркам средневековья был практически зрелым мужчиной. А к концу первого десятилетия своего правления, скорее всего, сформировались и его характер, его качества как человека и правителя. К сожалению, известные нам источники мало говорят о его внешности и душевных свойствах напрямую.

Великий князь Василий III Иванович. Гравюра из «Космографии» А. Тевe. 1575 г.

Венецианец Аброджо Контарини, прибывший в качестве посла к московскому двору в 1476 г., писал о великом князе так: «Упомянутому государю от роду лет 35. Он высок, худощав: вообще он очень красивый человек».

Иван III вошел в историю как Великий. Не отрицая большого значения его деяний, некоторые историки все же подчеркивают, что эпитет для русских людей второй половины XV – начала XVI

столетия указывал на его высокий рост. Не секрет, что высокие люди нередко сутулятся, а это в свою очередь отразилось в более редком, хотя тоже современном прозвище – Горбатый. Причем, если верить летописцу, так его называл отец Василий Темный.

Другое прозвище – Грозный (для нас ассоциируется с его внуком Иваном IV) – Иван III также не случайно получил от современников. Летописцы отмечали особую силу взгляда государя, его «ярое око», от которого тот, на кого оно было устремлено, не мог промолвить и слова. Исключений не было и для представительниц прекрасного пола – Герберштейн отмечал, «что если какая из них (женщин. – *А. В.*) случайно попадалась ему на глаза, то при виде его только что не лишалась жизни». Государь временами гневался и на свою знатную супругу Софью Палеолог, также отличавшуюся властным нравом.

Суровый характер великого князя его окружение ощущало даже тогда, когда Иван Васильевич, по свидетельству Сигизмунда Герберштейна, выпив лишнего во время обеда, засыпал, «все приглашенные были меж тем поражены страхом и молчали». Зато проснувшись, он «обыкновенно протирал глаза и тогда только начинал шутить и проявлять весёлость по отношению к гостям». Действительно, историки заметили, что Иван III обладал и некоторым чувством юмора. Например, в ответ на просьбу псковичей выделить им отдельного от Новгорода епископа, великий князь подарил прибывшим к нему просителям верблюда. В средневековой Руси это животное звалось «вельблудом» и считалось чрезвычайно похотливым, тем самым Иван III иронично намекал псковичам на неумеренность их желания.

Государь умел не только казнить, но и привечать людей. Плеяда полководцев, отстаивавших его интересы на поле боя, дипломатов, проводивших переговоры от его имени, и исполнителей, приводивших в жизнь его приказы, была сформирована самим великим князем. Ценя каждого по заслугам и талантам, Иван III мог закрыть глаза на то, что у других не вызывало доверия. Например, у него были основания сомневаться в верности князя Даниила Дмитриевича Холмского, поскольку тот был связан с элитой присоединенного Тверского княжества.

Иван Васильевич охотно и часто советовался с приближенными по вопросам разного значения – не важно, шла ли речь о заключении нового брака или совещались о том, заключать ли мир с Ахматом или биться с ханом в 1480 г. Попавший в опалу при Василии III вельможа И. Н. Берсень-Беклемишев вспоминал: «Добр деи был отец Великого Князя Васильев Князь Великий Иван и до людей ласков… против себя стречю (возражения. – *А. В.*) любил и тех жаловал которые против

его говаривали». Думается, что умение ценить чужое мнение и выбирать себе знающих советников и слуг в немалой степени объясняет успех политики Ивана III.

Вероятно, великий князь, как и всякий человек своего времени, был религиозен, но не впадал в крайности. Некоторое время вокруг государя находились люди, замешанные в ереси, и это не мешало ему держать их на службе.

Один из первых отечественных историков, В. Н. Татищев, которому было известно множество не дошедших до нас источников, сохранил историю о несгибаемой воле Ивана III. Если верить В. Н. Татищеву, митрополит Симеон настаивал на пострижении умирающего в монахи. Возможно, таким образом иерарх хотел поставить точку в споре о церковном имуществе, причастив государя к духовному чину. Иван III выказал большую твердость, даже перед лицом смерти сказал, что стригся много раз, но волосы всегда отрастали. Такой дерзкий ответ можно счесть вольнодумством, а кроме того, великий князь еще раз дал понять митрополиту, что он не смирился и не отошел от основ своей политики в отношении церкви. Рассказ этот не относится к числу достоверных свидетельств, впрочем, и игнорировать его тоже нельзя. Ни у современников, ни у потомков не возникало сомнений в силе личности деда Ивана Грозного.

Признавали заслуги великого князя и на Западе – в Великом княжестве Литовском и Польше, несмотря на то, что оба государства являлись политическими противниками Руси. Литовские авторы характеризовали Ивана III как «мужа сердца смелого и рицеря валечного (военного. – *А. В.*)» и даже удостоили его высочайших похвал: «Он, спаситель и творец государства, был причислен своими людьми к лику святых». Современник московского государя польский хронист Ян Длугош уже в 1479 г. (еще до стояния на Угре 1480 г.) видел в Иване III освободителя русских земель от ордынского ига.

Крушение ордынского ига и «стояние на Угре»

Долгое время московские князья были данниками Золотой Орды, т. е. выступали вассалами по отношению к ним. Хан, помимо прочего, принимал решение, кого из русских князей поддержать в борьбе за великокняжеский престол, занять который без ордынского ярлыка было невозможно.

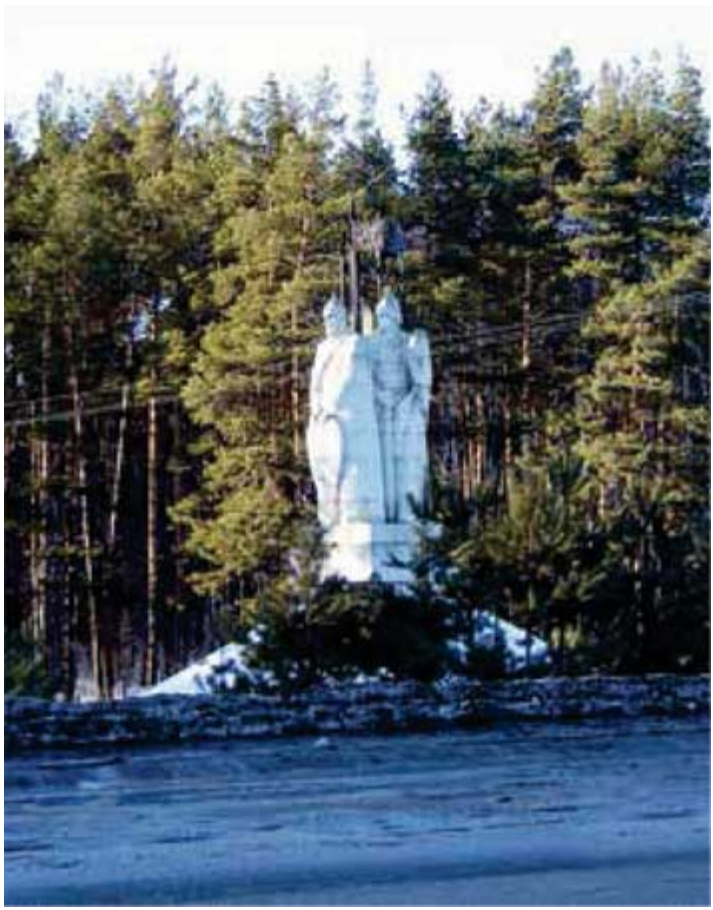
Иван III стал первым князем после Дмитрия Донского, проявившим свое стремление к самостоятельности. Намерения великого князя не укрылись от хана. Историки высказывают различные мнения о причинах похода ордынского хана Махмуда на Русь. Среди наиболее вероятных причин – невыплата дани, а также неявка Ивана III к Махмуду за ярлыком на великое княжение. Впрочем, поход хана в 1465 г. закончился неудачно, при переправе через Дон его атаковали войска крымского хана, и, потерпев поражение, он вынужден был отступить. Спустя некоторое время выплата дани была восстановлена, однако новый ордынский хан Ахмат, очевидно, понимал, что тенденция к независимости у московского правителя еще сохраняется. Подстрекаемый великим князем литовским и польским королем Казимиром, Ахмат предпринял свой первый поход против Ивана III в 1472 г.

Причиной похода, скорее всего, вновь была невыплата дани. За этим отчасти формальным требованием стояли амбиции хана, его желание восстановить власть, подобную той, какой обладали правители Золотой Орды над Русью в XIV в. Ахмат планировал нанести удар по Руси с двух фронтов, но незадолго до начала кампании Казимир оказался занят борьбой за венгерский престол для своего сына. В июле 1472 г. в Москве узнали о выступлении татар из Орды и направили воевод на реку Оку, чтобы блокировать силы хана. Ахмат, действуя вопреки обычной стратегии, разделил свое войско на две части, возглавив наиболее боеспособную из них, двинулся с проводниками в обход известных дорог.

Первой жертвой татар стал небольшой город Алексин, совершенно не ожидавший и не готовый к такому нападению. Горожане сражались до последнего и храбро защищали свои дома, но силы были не равны, и после поджога укреплений город был взят. Многие из жителей «изволиша сгорети, нежели предатися татарам», а спасавшиеся бегством попали в плен.

Трагедия, произошедшая под Алексиным, повлияла на поход

Ахмата, перед ним по-прежнему стояла задача перехода через Оку. И у одного из таких бродов татары столкнулись с малочисленными отрядами воевод Петра Федоровича Челяднина и Семена Васильевича Беклемишева. Русские воины упорно сопротивлялись в бою численно превосходившим их ордынцам. Шансы на победу были ничтожно малы, кончились стрелы, воеводы принялись готовиться к отступлению, когда с соседних участков Оки на подмогу прибыли два отряда под руководством князей Василия Михайловича Верейско-Белоозерского и Юрия Васильевича Дмитровского.



Монумент в честь «стояния на Угре» 1480 г.

30 июля в Москве узнали о трагедии под Алексиным. Великий князь без промедления двинулся к Коломне, а Ивана Молодого отправил к Ростову. Иван III расценил взятие Алексина как обманный маневр татар с целью отвлечения внимания для быстрого вторжения на русские земли через Коломну. Итак, Ахмату не удалось прорваться через Оку, теперь же, когда все

войско великого князя надежно закрывало переходы через эту полноводную реку, у правителя Большой Орды практически не было шансов. Летописец с удовлетворением изобразил русскую рать – достигнув противоположного берега Оки, хан «видев много полки великого князя, аки море колеблющиеся, доспехи же… яко серебро блистающеся и вооружены зело». Взвесив все за и против, Ахмат спешно вернулся обратно в степи Большой Орды.

Победа над Ахматом в 1472 г. обозначила важный моральный перелом. Впервые хан показал неуверенность в своих силах, не рискнув дать генерального сражения. Более того, речь шла об отражении похода самого крупного и могущественного осколка Золотой Орды – Большой Орды, правители которой еще имели достаточно прав и сил, чтобы требовать от Руси покорности. Немаловажным следствием военного успеха Ивана III стала очередная приостановка выплаты дани и продолжение политического курса на независимость от Орды.

Московский правитель решил противодействовать хану и дипломатическими средствами. Для этого было решено наладить отношения с Крымским ханством – известным недругом Большой Орды. В ходе долгих переговоров Иван III заключил союз с Крымом против польского короля Казимира и против Ахмата, оставив за собой право дипломатических сношений с правителем Большой Орды.

«Стояние на Угре». Миниатюра Лицевого свода. XVI в.

Стремясь не обострять отношения с Ахматом, Иван III в 1473–1474 гг. отправил к нему посольство. Главе миссии Никифору Басенкову предписывалось быть обходительным во время переговоров и всячески смягчать факт задержки дани богатыми подарками хану. В 1476 г. наступил пятый год неуплаты, и Ахмат

вызвал великого князя к себе. Невыполнение требования хана означало разрыв отношений с Москвой и организацию нового похода в ближайшем будущем.

Историки обратили внимание на изменения в восприятии Орды, происходившие в общественном сознании на Руси. Летописцы забывают о традиционном пиетете и уважительном отношении к ханам, но начинают все более эксплуатировать уничижительные эпитеты – «безбожный», «окаянный», «злочестивый» и т. д. В 1472 г. создается Житие Ионы, архиепископа новгородского. В нем упоминаются пророчества святого, предрекавшего Василию II, а потом и Ивану III, что в правление последнего Русь освободится от ордынского ига.

Все эти перемены во внешней политике ясно обозначили взятие четкого курса на независимость от Орды. Сигизмунд Герберштейн оставил нам любопытное известие, что, помимо других сановников, приложить руку к делу могла супруга великого князя Софья Палеолог: «Впрочем, как он ни был могущественен, а все же вынужден был повиноваться Татарам. Именно, когда прибывали Татарские Послы, он выходил к ним за город навстречу и стоя выслушивал их сидящих. Супруга его, Гречанка, до такой степени негодовала на это, что повторяла ежедневно, что она вышла замуж за раба Татар, а потому, чтобы оставить когда-нибудь этот рабский обычай, она уговорила мужа притвориться при прибыли Татар больным». Сообщение австрийского посла отчасти находит подтверждение в русских летописях, зафиксировавших уклонение Ивана III от выполнения принятого ритуала встречи ордынских послов.

Сторонником активной борьбы с татарами был епископ Вассиан, составивший для государя особое сочинение во время стояния на Угре. Ссылаясь на пример Дмитрия Донского, он предлагал Ивану III выступить против хана «не яко на царя, но яко на разбойника, и хищника, и богоборца».

Существовали в окружении великого князя и сторонники примирения с ханом. Иван III склонялся к принятию их позиции, однако вскоре обстоятельства не оставили ему выбора. Ахмат недовольный тем, что русские не хотят выполнять его требования, предпринял еще один поход, закончившийся знаменитым «стоянием на Угре».

Не все сведения об отношениях ордынского хана и Ивана III достоверны. Ранее в литературе нередко пересказывался сюжет из «Казанской истории» середины XVI в. о том, как великий князь растоптал символ ханской власти.

Придя к власти, хан Ахмат направил ко двору Ивана Васильевича посланника, просившего «по старому обычаю… дани

и оброков за прошлые века». Государь же, не побоявшись, взял у него басму, оплевал, изломал и, бросив на землю, растоптал ногами, а «гордых послов» хана «избить повеле». Только после этого, как утверждал автор «Казанской истории», Ахмат с войском двинулся на Русь. Не приходится сомневаться в надуманности рассказа о смелости Ивана III, поскольку исторические источники рисуют совсем иную картину, о чем мы уже упоминали выше.

В 1480 г. хан Большой Орды собрал все находившиеся в его распоряжении силы. На первый взгляд Русь не была готова к отражению столь масштабного похода. Псковичи воевали с Ливонским орденом, а начавшийся мятеж братьев Ивана III отчасти связывал государя по рукам. Еще велись переговоры с Крымским ханством – одним из основных противников Ахмата, но результат их был не ясен, зато ордынский хан готовился воспользоваться плодами заключенного с великим князем литовским и польским королем Казимиром соглашения.

В этот раз на стороне Ивана III было время. Войско Ахмата продвигалось очень медленно, на эффект внезапности ему не приходилось рассчитывать. Хан хотел нанести удар одновременно всеми имеющимися силами, в его плане значительная роль отводилась Казимиру. Первоначально на окский рубеж 8 июня с войском отправился Иван Иванович Молодой, а 23 июля туда же направился и сам великий князь с главными силами.

Пока на юге обе стороны готовились к столкновению, в конце августа 1480 г. Псков находился под осадой стотысячного, как утверждали источники, войска Ливонского ордена. Крепостные стены города выстояли не только натиск немцев, но и обстрел их артиллерии. Видя безуспешность осады, магистр приказал отступить и сменить тактику. С одной стороны, крах осады Пскова был очевидной неудачей ордена, с другой – положение Псковской земли не стало лучше, вражеская конница принялась грабить и нападать на другие населенные пункты и волости.

Псковичи оказались в крайне сложном положении. Помощи от великого князя ждать не приходилось, и они обратились к его мятежным князьям Андрею и Борису, расположившимся в Великих Луках. Мольбы о мщении пролитой немцами «крови христианские» не возымели силы. Братья Ивана III, находясь в опасности, и думать не хотели о бескорыстной помощи. Ценой стало предоставление Псковом убежища их женам. Невинное на первый взгляд условие означало, что город поддержит феодальный мятеж, поднявшийся в феврале 1480 г. против московского государя, который бы непременно наказал отступников. Псковичи сделали сложный выбор в пользу великого князя, не желая служить двум властителям одновременно.

Получив отказ после десятидневных переговоров, Борис и Андрей в ярости покинули город, позволив своим воинам «аки неверным» грабить псковские волости. Жители Пскова и пригородов предпочли откупиться от князей, отправившихся теперь в Новгородскую землю.

Тем временем русские и татарские войска стояли по разным берегам Оки, внимательно следя друг за другом. В течение лета Ахмат убедился в защищенности этого участка реки и предпринял обходной маневр, рассчитывая выйти к Оке через Одоев и Мценск со стороны верховских княжеств, зависимых от Великого княжества Литовского, где правил Казимир. Ахмат собирался перейти более мелкую и богатую на броды реку Угру в том месте, где она впадает в полноводную Оку.

Намерения татарского хана не укрылись от Ивана III. Учитывая силу ордынских войск и слабость Угры как оборонительного рубежа, московский государь осознавал необходимость помощи. Тут-то и вспомнили о князьях Борисе и Андрее, безуспешно пытавшихся посеять крамолу и не преуспевших в помощи союзникам, а потому они с готовностью приняли прощение Ивана III и двинулись со своим десятитысячным войском к Угре.

Ожидая подкрепления, великий князь отдал распоряжения на случай, если удача отвернется от него на поле битвы. Государственная казна и семья Ивана III отправились на север в Белоозеро, ряд городов эвакуировали, а население надежно укрыли, для пущей предосторожности сожгли московский посад, горожане с имуществом надеялись на защиту кремлевских стен.

Многие из горожан роптали на великого князя, однако принятые меры были оправданны. Москвичи опасались, как бы государь не покинул их в столь тяжелый момент и не оставил жителей столицы лицом к лицу с татарами. Тем более что так вынужденно поступил Дмитрий Донской в 1382 г., оставив город самостоятельно обороняться против хана Тохтамыша. Страх перед жестокостью татар пересилил в глазах москвичей трепет и уважение, испытываемое к великому князю. Чернь прямо, без обиняков изъяснялась с Иваном Васильевичем: «егда ты государь князь велики над нами княжешь в кротости и тихости тогда нас много в безлепице продаешь (несправедливо наказываешь. – *А. В.*); а разгневав царя (ордынского хана. – *А. В.*) сам, выхода ему не платив, нас выдаешь царю и татаром».

Стояние на Угре 1480 г.

Духовник великого князя Вассиан Рыло стыдил и увещевал Ивана Васильевича, называя его «бегуном», и грозил, что на его совесть тяжким грузом ляжет кровь убиенных татарами христиан. Соблазнительно думать, что Вассиан угадал и с одним из главных на тот момент страхов великого князя, вопрошая: «А чему боишися смерти? Не безсмертен еси человек, смертен». В эти сложные дни представители светской и церковной власти сплотились вокруг Ивана III, оказывая всяческую поддержку. Патриотический порыв не оставил в стороне и наследника Ивана Молодого. Отец напрасно через Холмского увещевал его покинуть войска, молодой княжич ответил, что лучше ему «зде умирети, нежели к отцу ехати».

Нельзя отрицать наличие, как говорит летопись, «злых советников», в числе которых называются Иван Васильевич Ощера и Григорий Андреевич Мамон. Они отговаривали государя «против татар за крестьянство стоять и битися», убеждая «бежать прочь, а крестьянство выдати». Летописец твердо порицал этих «богатых и брюхатых» предателей народа. Впрочем, не стоит осуждать сторонников капитуляции. Ощера и Мамон, вероятно, мыслили старыми понятиями, согласно которым открытое и последовательное сопротивление хану не могло и прийти в голову.

В числе тех, кого современники подозревали в малодушии, оказалась и Софья Палеолог, бежавшая от одного страха пред татарами, хотя ее «и не гонял никто». На Белоозере и в других

землях, где укрылась великая княгиня, их не вспомнили добрым словом – «и по которым странам ходили (Софья и ее челядь. – *А. В.*), тем пуще стало татар и от боярьских холопов, от кровопивцев крестьянскых».

3 октября 1480 г. государь вместе с подкреплением двинулся к Угре и 11 октября прибыл на место. Но уже 6 октября основное русское войско увидело на другом берегу передовые татарские отряды, а сам Ахмат с оставшимися силами подошел 8 октября. Попытки перейти Угру в разных местах не увенчались успехом. Русские ратники не только отбивали атаки ордынцев при переправе, но и регулярно засыпали их кавалерию градом стрел, стреляли из пищалей (легкая артиллерия). Прибытие Ивана III с подмогой изменило ход противостояния. Ахмат отказался от активных действий, началось «стояние на Угре». И все-таки перестрелка через реку продолжалась, и татары пытались небольшими вылазками нащупать слабые места в обороне русских войск, вынужденных сохранять постоянную боевую готовность.

«Иоанн III свергает татарское иго, разорвав изображение хана и приказав умертвить послов». Художник Н. С. Шустов

Иван III понимал: чем дольше Ахмат стоит на Угре, тем меньше его шансы на успех. Надвигавшаяся зима – не самое благоприятное время года для составлявшей основу татарской армии быстроходной конницы, король Казимир не спешил на

помощь, оставалась надежда на крымского хана, который не преминул бы воспользоваться случаем нанести удар в тыл Литве, на подходе были и прощенные им братья Андрей и Борис.

Вооружение русских всадников. Гравюра из книги Сигизмунда Герберштейна

Чтобы выиграть драгоценное время, великий князь начал переговоры. Сначала долго обсуждали, кто будет вести диалог с Ахматом, попутно русская сторона отвергала все требования хана о проявлении покорности и выплате семилетней дани и вообще не выказывала желания идти на серьезные уступки. Выяснилось, что Ахмат не совсем уверен в своем успехе, а вот вера Ивана III в свои силы росла. К тому времени прибыло подкрепление вместе с князьями Борисом и Андреем, а крымский хан напал на владения короля Казимира. Последний не оказал помощи Ахмату еще и потому, что столкнулся с внутриполитическими сложностями внутри Литвы и не смог собрать войско.

Зима в 1480 г. пришла рано, и в конце октября реки замерзли. Предвидя возможность перехода Угры или Оки по льду, Иван III приказывает войску отойти назад, оставив на самом берегу лишь передовые посты. Силы великого князя расположились наиболее удобным образом, чтобы вовремя успеть остановить татар в независимости от того, какой план действий

они изберут. «Стояние на Угре» закончилось неожиданным отступлением Ахмата. Летописи называют разные даты, сходясь в том, что это произошло между 8 и 11 ноября. Отступающую армию хана некоторое время преследовали братья Ивана III со своими отрядами.

В 1481 г. Ахмат распустил войска и вернулся в степи, но вскоре был убит в ставке небольшим отрядом, возглавляемым сибирским ханом Иваком, опасавшемся усиления влияния правителя Большой Орды. Дети Ахмата не обладали ни властью, ни влиянием отца, а в начале XVI столетия в ходе военных столкновений с Крымским ханством Большая Орда фактически перестала существовать. Таким образом, после смерти хана Ахмата ни одно государство – наследник Золотой Орды не могло требовать от Руси того подчинения, какое было во времена ига.

Убийца Ахмата послал весть о его смерти Ивану Васильевичу, справедливо полагая, что для великого князя это радостная новость. В Москве посла сибирского хана приняли с честью и щедро одарили, ценные подарки отправили и самому Иваку.

Завершение ордынского ига неразрывно связано с правлением Ивана III. Именно он был первым князем, осознанно поставившим независимость от татар своей целью. Как часто бывает в истории, процессы и явления редко заканчиваются немедленно, в один год или даже день, поэтому «стояние на Угре» является условной, хотя и очень важной датой, подтвердившей независимость России. После удачно отраженного похода хана в 1472 г. выплата дани была прекращена, а сам великий князь не стремился резко объявлять, что порвал с правителем Большой Орды. Фактически Россия освободилась от зависимости между 1472 и 1480 годами, и в дальнейшем направила свои усилия на сохранение суверенитета.

Вероятно, это понимали и современники. По любопытному совпадению средневековый польский хронист Ян Длугош в 1479 г., за год до событий на Угре, ввел термин «иго», говоря о его упразднении. Длугош, восхваляя Ивана III, писал, что он, «свергнув варварское иго, освободился со всеми своими княжествами и землями, и иго рабства, которое на всю Московию в течение долгого времени… давило, сбросил».

Господин Великий Новгород и объединение русских земель

Господин Великий Новгород со своими пятинами представлял собой обширное республиканское государство, потерявшее свою независимость в 1478 г.

Непосредственно военные действия против Новгорода 1477–1478 гг. имели свою предысторию. Вольнолюбивая республика уже давно ощущала на себе пристальный взгляд Москвы, однако у великого князя до поры до времени не было сил, чтобы покорить эту территорию. Новгородцы на первый взгляд были легкой мишенью, поскольку не содержали собственного войска, при необходимости они приглашали ратников со стороны. К началу 70-х гг. окрепшая сила Ивана III стала очевидна для Новгорода, и он, не вняв просьбам великого князя о покорности, стал искать защиты у короля Казимира, безуспешно попытавшегося привлечь в антимосковский союз хана Большой Орды Ахмата.

Поскольку Новгород был республикой, то его судьбу должно было решить вече, в котором, как и среди городского населения, царил раскол. В итоге верх одержали противники Москвы, возглавляемые вдовой посадника Марфой Барецкой и ее сыновьями. Они сколотили большое войско в несколько десятков тысяч человек, основным составом были «плотницы и гончары и прочии, которые родившаяся на лошади не бывало…». Способность такого войска к ведению боевых действий вызывала сомнения.

Теперь-то у Москвы были развязаны руки. Великий князь считал Новгород своей «отчиной» и не мог не отреагировать на его измену. Усмирять непокорную республику 20 июня 1471 г. направились князья Даниил Холмский и Стрига Оболенский. Они заняли фланговые позиции в русском войске, а между ними, хотя и чуть поодаль, шел полк самого великого князя. Армия, не отягощенная обозом, двигалась быстро, нередко обращаясь с местным населением так же жестоко, как полагается с мятежниками.

Как всегда, Иван III выступал в качестве главнокомандующего, которого не увидеть на поле сражения, что нисколько не умаляет ни его умения подбирать нужных полководцев, ни целесообразности и своевременности его приказов. Поход на Новгород стал прекрасной тому иллюстрацией. После того как войско Холмского прошлось огнем по Русе (современный город Старая Русса. – *А. В.*), он по приказу

Ивана двинулся на реку Шелонь, где планировал соединиться с псковичами, но вынужден был вступить в сражение, решившее исход всей кампании.

Ранним утром 14 июля 1471 г. московские войска начали переправу через реку. Князь Холмский действовал решительно, численное превосходство новгородцев не оставляло ему выбора. План воеводы заключался в том, чтобы застать отряды противника врасплох и разгромить по отдельности. Новгородцы поначалу теснили врага и чуть не сбросили в реку. Вероятно, им показалось, что ратники Холмского начали отступать, поскольку в азарте преследования они бросились форсировать Шелонь. Тогда воевода Ивана III приказал начать обстрел по скучившимся новгородцам, и когда из засады появился отряд татар, служивших великому князю, боевые порядки неприятеля были окончательно смяты. Теперь численное превосходство уже не помогало, а скорее вредило – передовые отряды новгородцев в панике развернулись и побежали через ряды своих товарищей по оружию, началась давка. Если верить летописи, то в неразберихе отступавшие воины даже секли мечами друг друга.

Создается впечатление, что новгородское войско не было достаточно сплоченным и страдало от недостатка в умелом командовании, в координации совместных действий. Любопытно, что полк новгородского архиепископа так и не вступил в битву, поскольку получил приказ скрестить мечи лишь против псковичей, а не против ратников великого князя.

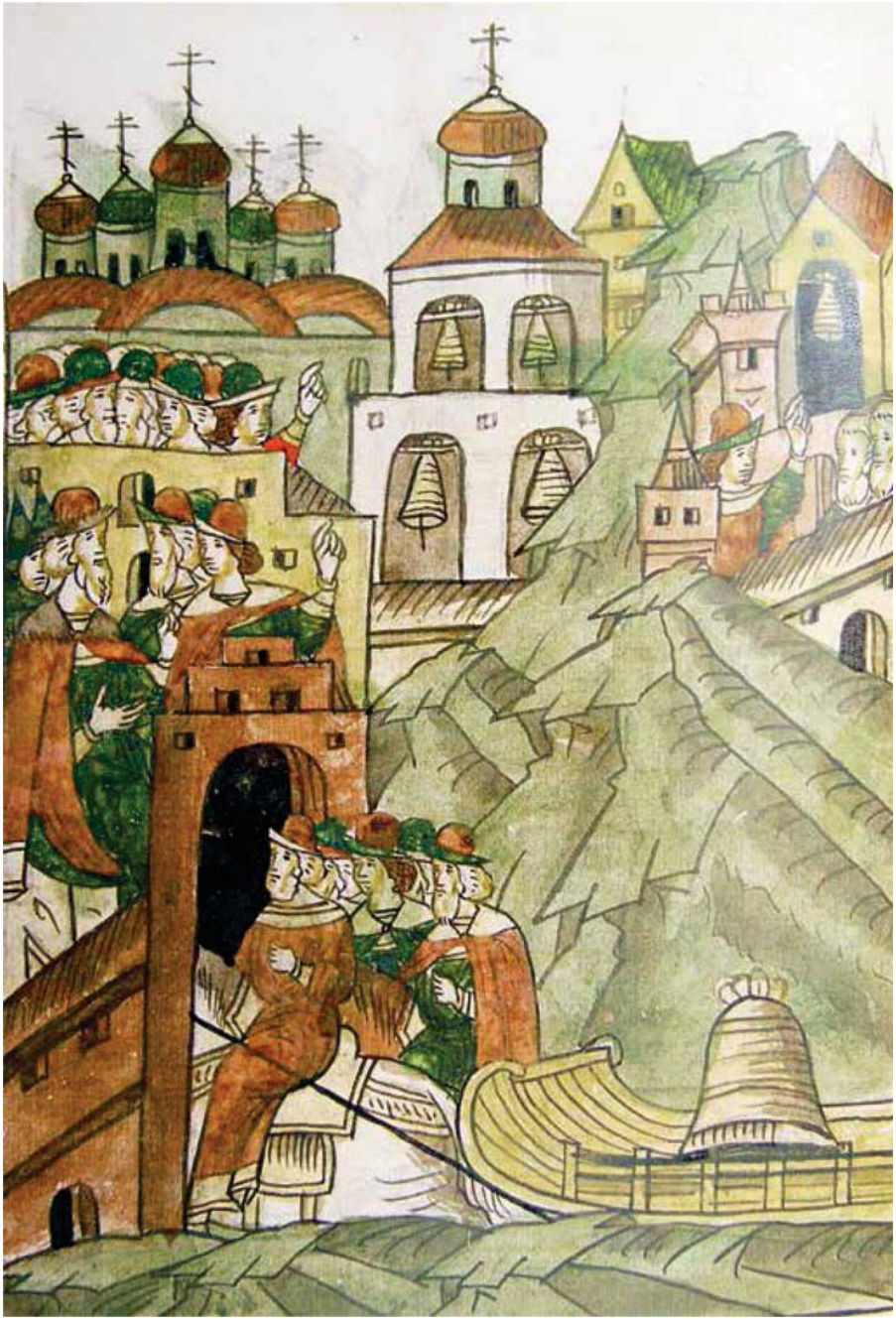
Одержав победу в сражении, московские отряды еще долго преследовали врага. Потери новгородцев оказались велики – 12 тысяч остались на поле боя и были посечены во время преследования, 2 тысячи попали в плен. Среди них находились и представители республиканской элиты – посадники и бояре. В погоревшей Русе Иван III приказал обезглавить посадников, одним из которых был и Дмитрий Борецкий.

Вскоре 11 августа был подписан Коростынский мирный договор, главным его достижением было запрещение новгородцам вступать в союз с королем Казимиром. Кроме того, Новгород признавал себя «вотчиной» великого князя, город обещал выплатить контрибуцию и соглашался на то, чтобы Вологда и Волок Ламский перешли к Москве. И все же вечевой строй, на котором зиждился новгородский уклад, был сохранен. Великий князь, возможно, не располагал временем, чтобы воспользоваться одержанной победой. Иван III действовал в спешке, нельзя было давать противникам Москвы ни времени, ни шанса для организации коалиции. Несмотря на достаточно мягкие условия, Коростынский мирный договор обозначил

завершение еще одного этапа по покорению северной республики.

Прошло несколько лет. Уладив внутренние конфликты и стабилизировав внешнеполитическую ситуацию, Иван III решил вернуться к независимому Господину Великому Новгороду.

Осенью 1475 г. Иван III явился в Новгород с посольством. Цель его визита не совсем ясна. Собирался ли государь спровоцировать дальнейшие события или хотел прояснить какие-то аспекты во взаимоотношениях с республикой, нам неизвестно, но приезд великого князя стал прологом к потере независимости Новгородской земли. Как мы помним, в Новгороде было несколько конфликтующих фракций, и одна из них стояла за Москву. Сторонники великого князя били ему челом на ряд местных должностных лиц, обвиняемых в разбое. Трое из них, а также непричастный к делу боярин И. Офонасов были отправлены в Москву для судебного разбирательства, и даже попытка новгородского архиепископа вступиться за них не привела к успеху.



Вывоз новгородского Вечевого колокола в Москву. Миниатюра Лицевого свода. XVI в.

Такое решение Ивана III имело сразу две важные цели. Во-первых, пользуясь случаем, государь избавился от своих политических противников. Показательно, что Офонасов был обвинен не в уголовном, а в политическом преступлении –

намерении переметнуться к королю. Во-вторых, московский правитель не имел права судить вне территории республики, тем самым Иван III подрывал основы вечевого суда. Важно помнить, что суд и власть в средневековом обществе фактически были синонимами, и таким образом великий князь наносил еще один удар по независимости Великого Новгорода.

Прошло еще совсем немного времени, и в 1477 г. в Москву прибыла новая делегация новгородцев, искавшая справедливости в борьбе против посадников и бояр. В число делегатов входили не только простые жители, но и представители местной светской элиты и, возможно, даже сам архиепископ. Представители новгородцев называли Ивана III и его сына «государями», тем самым признавая их права на власть в республике. Великий князь, ожидавший повода еще раз надавить на несговорчивое вече, получил его и потребовал отмены вечевого суда и настоял на строительстве для себя резиденции. Новгородцы, узнав о требованиях Ивана III, ответили, что делегация действовала без ведома основной массы народа. Сторонники Москвы стали жертвами народного гнева, и очередная попытка великого князя побороть Великий Новгород закончилась без особого успеха.

Последним актом падения Великого Новгорода стал поход Ивана III, начавшийся 9 октября 1477 г. Неизбежность войны хорошо понимали обе стороны. Пока великий князь занимался мобилизацией подвластной ему армии, новгородцы тянули время переговорами. Подлинные их намерения легко угадывались государем и его окружением, ведь жители столицы северной республики не только изгнали московских торговцев из города, но и пытались заключить союз с Псковом.

Поход Ивана III в октябре 1477 г. проходил иначе, чем шесть лет назад. На этот раз новгородцы, помня о разгроме на реке Шелони, поспешно скрылись за городскими стенами. Московские полки окружили Новгород с началом зимы, начались переговоры. Новгородцы и выступавший от их лица архиепископ вновь старались тянуть время, желая войску Ивана III увязнуть холодной зимой в длительной осаде хорошо укрепленного города. Глава московской делегации боярин князь Иван Юрьевич Патрикеев не вступил в дипломатическую игру и четко озвучил требование великого князя – «вече и колоколу в отчине нашей в Новегороде не быти. Посаднику не бытии. А государство нам свое держати… А которые земли наши, великих князей, за вами, а то было бы наше».

Новгородцам потребовалась неделя, чтобы отказаться от республиканских вольностей в пользу единоличной власти Ивана III. Сложнее было решить имущественные вопросы –

горожане и элита желали сохранить свое имущество и земли, оставить за собой определенные судебные привилегии. Под давлением основной массы жителей города, сильнее всего пострадавшей от тягот осады, новгородские бояре решили отдать великому князю часть церковных земель. Даже такая доля от внушительных владений архиепископа и местных монастырей представляла большую ценность. Этим соглашением боярство купило возможность сохранения своих вотчин.

Иван III милостиво отнесся к новгородцам, целовавшим ему крест. Никто из них не был казнен и не подвергся каким-либо репрессиям. Карающий меч ждал лишь восьми бояр-изменников (в числе которых была знакомая нам Марфа Борецкая). Вскоре за ними в Москву отправился и символ новгородской вольницы – вечевой колокол, созывавший горожан на собрание. Живое олицетворение индивидуальности и самостоятельности Новгородской республики, теперь он стал одним из многих подобных ему звонивших колоколов в одном из соборов на кремлевской площади. Подобно этому колоколу Новгород вошел в «ансамбль» русских земель, составивших единое государство. Так, с покорением Великого Новгорода Иван III перевернул еще одну важную страницу в истории объединения России.

Наиболее крупными удельными князьями в начале 80-х гг. оставались братья великого князя Андрей и Борис. В феврале 1481 г. мир с прощенными мятежниками был скреплен «докончанием» (договором). Согласно договору, Андрей и Борис отказывались от каких-либо претензий на все владения Ивана III, включая Новгород и относящиеся к нему земли. В обмен на это уделы братьев приросли новыми владениями. В остальных статьях договор традиционно подчеркивал первенство великого князя, сохраняя статус-кво.

В июле 1481 г. умер другой удельный князь, Андрей Меньшой, вотчина которого располагалась в Вологде. Свою долю наследства, полученную от Василия II, он завещал «господину брату старейшему» Ивану III, вероятно, потому, что, как выясняется из его завещания, он был должен великому князю громадную по тем временам сумму – 30 тысяч рублей. В числе его кредиторов оказались и богатые московские купцы – «сурожане», торговавшие с Крымом. Финансовая зависимость покойного князя Андрея говорит не столько о его неспособности вести счет деньгам, сколько о падающей экономической эффективности удельного княжества, неспособного обеспечивать потребности своего владельца.

Новгородская феодальная республика в XII–XV вв.

Затем Иван III заключил договор с единственным из оставшихся в живых внуков Дмитрия Донского – белоозерским князем Михаилом Андреевичем. Он вынужден был отказаться от права на Белоозеро, перешедшего после его смерти в 1485 г. к великому князю. Иван III уже в который раз показал, что ни

родственные узы, ни уважение к традиции не могут остановить политику объединения русских земель.

История с Михаилом Андреевичем имела продолжение. Престарелый князь и его сын, фактически расставшись с Белоозером, сохранили за собой Верею и Малоярославец. Как мы рассказывали ранее, Софья Палеолог самовольно подарила некоторые великокняжеские драгоценности своей племяннице, выданной замуж за молодого князя Василия, наследовавшего от отца Верейский удел. Государь, узнав об этом, пришел в ярость и даже собирался бросить невинного сына князя Михаила Андреевича в темницу. Князь Василий Михайлович не стал дожидаться грядущего наказания и сбежал в Литву, что по существующим убеждениям однозначно расценивалось как государственная измена. Это давало Ивану III законное право раз и навсегда конфисковать все удельные земли, остававшиеся у Михаила Андреевича. Так произошла ликвидация одного из последних уделов, созданных по завещанию Дмитрия Донского.

В 1483 г. умер рязанский князь Василий Иванович, женатый на сестре Ивана III. Юный племянник великого государя, Иван, подписал с ним новый договор, по которому княжество сохраняло лишь внутреннюю автономию, но теряло право на ведение самостоятельной внешней политики, в том числе на сношения с Литвой. Окончательное вхождение вотчины рязанских князей произойдет лишь при Василии III Ивановиче в начале XVI в.

Все в том же 1483 г. воеводы Иван Иванович Салтык Травин и князь Федор Семенович Курбский пересекли Уральский хребет и спустились к устью реки Оби. Местные правители в результате похода признали власть Ивана III. Значение небольшой экспедиции хорошо помнили и позже в конце XVI в. – «а взял Сибирь великий государь Иван Васильевич всея Руси… тому ныне близко ста лет, и дань положил соболями и лисицами черными». Так было положено начало освоению Северной Сибири, а государство определилось с еще одним направлением территориальной экспансии, расширившим границы России в XVII столетии до реки Амур.

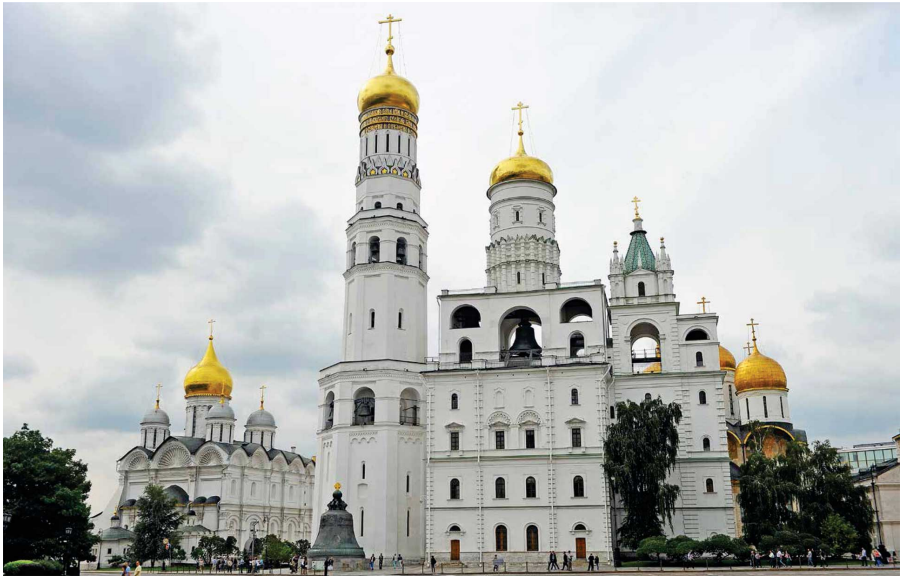
Единственным полностью независимым княжеством оставалась Тверь. Еще с 70-х гг. Иван III постепенно переманивал тверских бояр и детей боярских на свою сторону. Добиваясь этого, великий князь активно поддерживал служивших ему людей в пограничных спорах с тверичами. Оппозиционный государю летописец утверждал, что в межевых конфликтах, «где ни изобидят московские дети боярские, то пропало», а ежели виноваты будут подданные тверского князя, «то князь великий посылает с поношениями и с грозами к Тверскому». Постепенно

тверские землевладельцы все сильнее проникались мыслью о бессмысленности сопротивления московской экспансии и переходили на службу к Ивану III.

Тверской князь Михаил Борисович прекрасно понимал, к чему шло дело. Защищать свою власть с оружием в руках он не мог, у Твери просто не было шансов в борьбе с мощью Русского государства, объединенного Иваном III. И все-таки Михаил Борисович оставался последним полновластным удельным князем, он начал искать помощи за рубежом. Подходящей кандидатурой на роль союзника был великий литовский князь и польский король Казимир, столь знакомый нам по русско-ордынскому противостоянию 60–70-х гг. Правители планировали скрепить альянс женитьбой Михаила на внучке короля. В Москве решение тверского князя справедливо расценили как предательство и нарушение межкняжеского договора.

Стремительное наступление военных сил великого князя на Тверь вынудило Михаила, не имевшего ресурсов для обороны, признать себя младшим братом» Ивана III. В прошлом старый соперник Москвы, все еще сохранявшее силу Тверское княжество впервые оказалось в формальном подчинении Москве. За спиной у великого князя тверской правитель не собирался сдаваться и, продолжая надеяться на помощь из Литвы, вел с ней активные переговоры. В августе 1485 г. московский государь предпринял второй поход на Тверь и взял в кольцо, а 11 сентября тверская знать просила принять капитуляцию города и желала поступить на службу к Ивану III. В ночь на 12 сентября отчаявшийся князь Михаил Борисович бежал из осажденной Твери в Литву, а на следующее утро осада столицы непокорной территории завершилась.

Войдя в город, великий князь пообещал навести порядок и удержать своих ратников от разграбления жителей. Новым, номинальным тверским князем стал Иван Молодой, имевший на это право в качестве внука тверского кн. Бориса Александровича.



Успенский собор Московского Кремля

Так в сентябре 1485 г. закончилась история когда-то независимого и сильного Тверского княжества, государи которого еще в XIV в. боролись с Москвой за великокняжеский престол и за право стать объединителями русских земель. Тверь сохранила влияние и в XV в. Некоторые источники даже утверждали, что во время феодальной войны тверской князь Борис Александрович диктовал Василию II условия вступления в союз, требуя и угрожая: «жени у меня сына своего Ивана, а не женишь, и яз тебя выдам опять князю Дмитрею (Шемяке. – *А. В.*)». К слову, современники высоко оценивали «от всех славимого и похваляемого» кн. Бориса Александровича, а некоторые называли «самодержавным государем», сравнивая его с римским императором Константином Великим. Увы, таланты князя не могли обеспечить Твери лучшей судьбы, что была уготована ей ходом истории. К концу XV в. одинокое княжество, окруженное владениями Ивана III, было неспособно оказать сопротивление власти московского государя.

Последним значительным событием в собирании русских земель Иваном III стало присоединение Вятской земли. Как следует из названия, Вятка не являлась княжеством, а по своему устройству напоминала скорее Новгородскую и Псковскую земли с поправкой на большую архаичность и слабость республиканского начала. Московские князья уже давно смотрели в сторону Вятки, последнюю серьезную попытку лишить ее самостоятельности предпринял Василий II в 1458 г. Жители этого региона, подобно новгородцам, разделились по политическим

убеждениям на про– и антимосковскую партии. Противники Ивана III искали поддержки у Казанского ханства, рассматривавшего Вятку как зону своих интересов. Отсюда и осознание великим князем необходимости нейтрализации Казанского ханства, что позволило бы без проблем присоединить эту землю.

Как мы упоминали ранее, наиболее действенным способом подчинения Казани была поддержка лояльного Москве кандидата на место хана. Такой личностью стал Мохаммед-Эмин, спасавшийся от гнева своего брата Али-хана у Ивана III. Беглец присягнул на верность великому князю и просил военной помощи для борьбы за престол. В середине мая русские ратники под предводительством князя Холмского подошли к стенам Казани и начали ее осаду. Сам Али-хан под давлением подданных вынужден был сдать город 9 июля 1487 г. В Москве торжествовали – впервые русские войска взяли столицу одного из ханств – наследников Золотой Орды и поставили во главе верного Ивану III хана. Теперь можно было приниматься и за непокорную Вятку.

В русской столице недолго искали предлог для нападения на нее. «За их (вятчан. – *А. В.*) неисправление» в июне 1489 г. великий князь посылает на Вятку выдающегося воеводу XV в. князя Даниила Васильевича Щеню с внушительным войском. В то время когда вспомогательные силы из городов Русского Севера и отряд казанских татар окружили Вятку, основное войско под предводительством прославленного воеводы подошло к Хлынову. Переговоры местной элиты с московскими военачальниками вскоре зашли в тупик. Иван III мобилизовал громадное войско вовсе не для того, чтобы удовлетвориться мелкими уступками (выплата дани и несение службы). Воеводы требовали от вятчан целовать крест великому князю и выдать всех его противников. Не найдя понимания со стороны жителей, армия начала готовиться к штурму. Видя, что ратники готовят смолу и плетни для штурма, вятчане задумались о том, что ждало их после взятия Хлынова, и капитулировали, приняв все условия великого князя.

После присоединения Вятки оставались два независимых удела, где заправляли родные братья Ивана – Андрей и Борис. Отношения между детьми Василия II не были простыми. Речь шла не о личных пристрастиях, а о столкновении интересов правителя единого государства и удельных князей. О том, какие формы принимали противоречия между ними, хорошо видно из размолвки великого князя с братьями в 1479 г., поднявшими вскоре настоящий феодальный мятеж.

Представитель администрации Ивана III великолуцкий

наместник кн. Иван Владимирович Лыко-Оболенский, бессовестно наживаясь, злоупотреблял служебным положением. В России того времени от лица местного населения нередко раздавались жалобы на своеволие наместников и других агентов власти, но в данном случае вина Лыко-Оболенского была велика, иначе как объяснить, что сам великий князь встал на защиту интересов жителей Великих Лук. Рассудив дело, Иван III обязал наместника возместить убытки и даже оплатить штраф. Оскорбленный таким решением кн. Лыко-Оболенский воспользовался известным феодальным правом и отъехал на службу к удельному князю и брату Ивана III Борису Волоцкому.

События, произошедшие далее, являются типичным примером столкновения двух правовых традиций. Согласно первой, более древней, судить бывшего наместника теперь мог лишь его новый господин, а вторая исходила из посыла, что Лыко-Оболенский продолжает нести ответственность перед великим князем. Иван III, обнаружив безуспешность переговоров с Борисом Волоцким о выдаче провинившегося наместника, приказал своим людям задержать Лыко-Оболенского. Это глубоко уязвило Бориса, и он привлек на свою сторону старшего брата Андрея Большого. Убеждая Андрея, Борис справедливо указал на главные причины возмущения. Во-первых, Иван самовольно присоединил, не поделившись с ними, выморочные уделы других братьев. Во-вторых, великий князь нарушает юрисдикцию удельных князей, арестовывая их вассалов. В-третьих, государь нарушает завещание Василия II и межкняжеские договоры. Недовольные политикой великого князя братья подняли мятеж в феврале 1480 г.

В 1480 г. Иван III, нуждаясь в помощи во время похода хана Ахмата, простил Андрея и Бориса, но не забыл об их неподчинении. В глазах Ивана Васильевича они все еще представляли угрозу для его власти. В 1485 г. умерла их мать великая княгиня Мария Ярославна. Находившийся на смертном одре Василий II в завещании наставлял детей: «живите заодин, а матери своей слушайте во всем, в мое место своего отца». Судя по всему, Мария Ярославна действительно как-то сглаживала противоречия между сыновьями.

В напряженной обстановке даже мелкий повод мог иметь серьезные последствия. Так и случилось в 1488 г., когда верные люди доложили Андрею Большому о намерении великого князя заточить его в темницу. Зная старшего брата, Андрей, даже не разбираясь в надежности источника информации, легко поверил ему и готовился спешно бежать из столицы удела – Углича, но, подумав, переменил мнение. Андрей просил князя Ивана

Юрьевича Патрикеева, близкого к государю, выступить в роли посредника, чтобы развеять слухи о близящейся опале. Сановник благоразумно отказался от миротворческой миссии, не желая оказаться между молотом и наковальней конфликта столь близких и влиятельных родственников. Тогда Андрей сам явился на аудиенцию к брату.

На приеме изумленный Иван Васильевич клялся Господом Богом и даже «небом и землей» (последнее звучало особенно странно в устах православного государя), что у него и в мыслях не было гневаться на Андрея. Потом уже дознались, откуда пошел слух. Находившийся на службе великокняжеский мелкий сын боярский Мунт Татищев признался, что однажды был не в духе и неудачно пошутил, а слова его восприняли серьезно.

Этот эпизод способствовал развитию недоверия между братьями. Летом 1491 г. Андрей не выполнил приказа великого князя и не отправил войско на помощь крымскому хану, сражавшемуся с детьми Ахмата. Вероятно, удельный князь опасался лишиться военной поддержки и стать легкой жертвой для Ивана. А вот младший брат Андрея Борис без промедления дал необходимые распоряжения своим ратникам, чем, видимо, спас себя от опалы и тюрьмы.

Отказ Андрея от военной помощи Ивану III являлся нарушением подписанного между ними договора и расценивался как измена. Великий князь долго ждал возможности расправиться с вызывавшим опасения братом, оставалось решить, каким способом это будет сделано. Открытый военный конфликт не представлял оптимального решения, поскольку у Андрея еще оставалась армия и он мог вступить в союз с королем Казимиром.

В сентябре 1491 г. Иван Васильевич обманом, вероятно, не без посредничества Бориса Волоцкого и митрополита Зосимы, заманил Андрея в Москву для переговоров. Роскошный пир, устроенный в честь дорогого гостя, закончился его пленением на следующее утро. Вероломство великого князя вызвало пересуды при дворе, да и в русском обществе тоже. Сохранилось несколько различных летописных сообщений об этом событии. Согласно одному из них, Андрей, столкнувшись с коварством брата, отвечал своему приближенному: «Волен Бог да великий князь Иван Васильевич, и суд мне с ним на втором пришествии перед Богом».

В. Н. Татищев почерпнул из недошедших источников оригинальное известие. В нем рассказывалось, как бояре и князья из окружения Ивана III долго били челом и просили о помиловании Андрея, а государь с горечью вымолвил: «Жаль ми добре брата моего и не хосчу изгубити его, а на себе порока

положити, а свободити не могу про то, что ниединою зло на мя замышлял и братию свободил, а потом каялся. И ныне паки начал зло замышляти и люди моя к себе притягати». Великий князь не закончил на этом, добавив, что, проявив милость к брату, поощрит мятежников, которые ввергнут страну в новую гражданскую войну, «а что аз (Иван III. – *А. В.*) толико потрудися, и то будет все ни во что, и вы будите раби татаром». Речь государя возымела действие – придворные замолчали, не находя слов для возражения.

Андрей Большой недолго прожил в тяжелых условиях тюремного заключения и умер в 1493 г. Смерть брата произвела тяжелое впечатление на Ивана. Четыре года спустя, в 1497 г., он каялся, стоя на коленях перед митрополитом и епископами, что по неосторожности уморил Андрея в темнице. Испытывая угрызения совести, Иван не переставал быть прагматичным политиком – в застенках продолжали содержаться его малолетние племянники Иван и Дмитрий Андреевичи. Им предстояло провести под замком почти всю свою жизнь. Борису Волоцкому повезло больше – сохранив и удел, и свободу, он спокойно умер в 1494 г., а вот оба сына Бориса умерли бездетными. Их наследственные владения перешли к Василию III.

Итогом расправы с Андреем Большим стала ликвидация его углицко-можайского удела, управлявшегося теперь наместниками из Москвы, войско брата присоединилось к силам великого князя, а многие земли пошли в раздачу служилым людям.

К концу 80-х гг. XV в. объединение русских земель в целом завершилось. Формально самостоятельность сохранили Псков и Рязань, окончательно присоединенные сыном Ивана III Василием. Отдельный регион сложился из русских земель, до ордынского завоевания являвшихся частью Древней Руси. Они входили или в определенной степени были зависимы от Великого княжества Литовского в XV в. Это давало право королю Казимиру позиционировать себя как великого князя русского, оспаривая таким образом власть Ивана III.

Завершение собирания русских земель, скорее всего, осознавал и сам правитель новой России. После присоединения Твери в 1485 г. Иван III вводит в употребление в официальных внешнеполитических документах титул «государь всея Руси». Это именование признали за Иваном III император Священной Римской империи и даже литовский князь.

Необходимо иметь в виду, что присоединение и включение отдельных княжеств и земель в состав единого государства не может сводиться к захвату территории, перекупке прав на нее или другой единократной процедуре. Идея единого государства

подразумевает распространение универсальных законов и административных механизмов на всю территорию страны. Это ведет к определенной унификации всех сфер жизни различных регионов. Какие же инструменты находились в руках Ивана III для достижения этой цели?

Показателен пример включения в состав единого государства Новгородской республики. Сначала Иван III ликвидировал экономическую базу могущества местного боярства, купечества и церкви – их земельные владения. Конфискация земли проходила в несколько этапов, но главное то, что на изъятой в пользу великого князя земле поселились многочисленная московская знать и служилые люди. Новгородцы же, лишившиеся своих земель, получили земли под Москвой и в других городах.

Параллельно перераспределению земли проводилось ее кадастровое описание московскими писцами. Оно закрепило юридически новые реалии Новгородской земли, распространило на нее единую систему налогообложения, дало власти точное представление о том, кто и каким количеством земли располагал, сколько дохода давали своим господам крестьяне и проч.

Политика «выводов» (насильственного переселения) со времен Ивана III стала популярным способом борьбы с политическими оппонентами и нейтрализацией ненадежных. Она была тесно связана с дроблением крупных вотчин на более мелкие поместья, которые получали мелкие служилые люди, во всем зависимые от власти и не выступавшие в качестве самостоятельной экономической или политической силы.

Другим инструментом установления единообразия стала разработка правовых норм, действовавших на всей территории государства. Эта задача была решена с помощью первого в истории России Судебника 1497 г., о котором мы расскажем подробнее позже. Сейчас отметим, что в средневековой Руси и в других государствах Европы понятия «суд» и «власть» зачастую рассматривались как равнозначные, а государь, выступая в роли судьи, исполнял чуть ли не одну из главных своих функций.

Итак, Иван III довел до конца дело, завещанное ему многими поколениями московских князей, он объединил русские земли. Казалось, что теперь он мог удовлетвориться достигнутым, но в последние полтора десятилетия своей жизни ему предстояла не менее сложная и ответственная работа по установлению порядка на громадной территории Русского государства и защита интересов страны во внешней политике.

В 1490 г. Ивану Васильевичу исполнилось 50 лет – возраст солидный, особенно для средневекового мужчины, когда продолжительность жизни была гораздо ниже нынешней.

Предстояло решить, кому достанется результат его многолетнего труда, кто станет его наследником и великим князем всея Руси. И этот выбор, как и многие другие, не был легким для Ивана III.

Во главе объединенной России

Покончив с независимостью последних княжеств, Иван III обратил взор к западным границам государства. Здесь между Русью и Литвой находились русские земли, которые оба государства в равной степени считали своими. Единственным способом решения старого спора о пограничных территориях была война. Боевые действия 1487–1494 гг. часто фигурируют в литературе как «странная война», поскольку ни одна из сторон формально не нарушала мира.

Еще до начала конфликта великий князь стремился обеспечить дипломатическую поддержку союзников. В их число вошли крымский хан, давний противник Литвы, молдавский правитель Стефан, дочь которого была замужем за сыном Ивана III, и венгерский король Матвей Корвин. Впрочем, большого проку от них не было, поскольку никто из них не торопился втягиваться в столкновение с соседом без ясных перспектив. В лучшем случае внешнеполитические сторонники московского государя могли оттянуть на себя небольшую часть сил короля Казимира.

Пограничные стычки были в большинстве случаев в пользу сил Ивана III, литовцы же, не обладая возможностью дать отпор, грабили соседние территории, особенно притесняя русских торговцев, проезжавших по торговым делам через те земли. И Казимир, занятый польскими делами, и Иван III, не уверенный в союзниках, не торопились приступать к решительным действиям. Характер вялотекущей войны изменила смерть Казимира в 1492 г. Теперь Польшей и Литвой управляли разные государи, династическая уния, объединявшая два государства, прервалась. Государь понял, что время для начала настоящей военной кампании пришло. Осенне-зимний поход 1492/1493 г. увенчался успехом – помимо Мценска, Любутска, Мезенска и Серпейска, войско под предводительством талантливого воеводы князя Даниила Щени захватило Вязьму. Новый великий литовский князь Александр, не получив помощи из Польши, начал переговоры.

Заключенный в 1494 г. мир подтвердил возвращение ряда русских земель. В тексте его договора Иван III величается «государем всея Руси», молчаливое признание Литвой подобного титула сильно попирало и умаляло значение ее претензий на русские земли. Россия и Литва воспринимали мир как явление временное. В Москве собирались продолжить экспансию, желая вернуть земли, оставшиеся за Литвой, а она, конечно же, жаждала

реванша.

Завершение русско-литовской войны 1487–1494 гг. было обозначено и династическим браком между дочерью Ивана III Еленой и великим князем литовским Александром. Согласно предварительной договоренности между брачующимися сторонами невесте дозволялось сохранить православную веру, что делало ее покровительницей православных, коих было множество в Великом княжестве Литовском.

Положение юной княжны в Литве было непростым: с одной стороны, принуждаемая принять католичество своим супругом Александром, а с другой, зная о неприемлемости такого шага для отца, она оказалась между молотом и наковальней. Впрочем, религиозный вопрос – лишь верхушка айсберга. В конечном итоге, все упиралось в то, чью политику – мужа или отца – она поддержит.

Были у Елены Ивановны и собственные интересы. О них хорошо свидетельствуют ее послания к отцу и матери, в которых она «просила остановить «крови христианское розлитье» и найти способ примириться с Литвой. Как отметил Я. С. Лурье, в своих формально дипломатических письмах Елена проявила блестящее литературное мастерство.

Хотя сомневаться в миролюбии Елены не приходится, она, судя по некоторым источникам, в дальнейшем отказалась от своих мыслей, о чем Ивану III передал ее личный посол. Верная дочь, притесняемая из-за своей веры, облачила в тонкий и индивидуальный стиль идеи литовской стороны и кардинала Фридриха. В своем отчаянном послании она просила отца взять с Александра особое письменное обещание, что он не заставит ее сменить веру.

В последние годы жизни ее малоприятное положение еще более осложнилось. Овдовев, она потеряла привилегии своего положения, а ее имения частично подверглись конфискациям и грабежам местных панов. По ряду причин новый монарх Сигизмунд не отпускал ее домой к родственникам, и это вынудило Елену предпринять побег. Попытка оказалась неудачной, у нее изъяли большую часть ее казны. Это стало одним из поводов к новой русско-литовской войне (1500–1503 гг.), в ходе которой, помимо прочего, Василий III вступился за интересы своей сестры. Возможно, именно начало нового вооруженного конфликта привело к насильственной гибели неудобной политической фигуры вдовы Александра. Правда, некоторые историки подвергают сомнению версии об отравлении Елены Александровны, но ее смерть в 1513 г., очевидно, была на руку Сигизмунду, сообщавшему вскоре после трагедии в частном

письме, что уход из жизни дочери Ивана III стал решением ряда государственных проблем.

Брак между Александром и Еленой, рассчитанный на сближение отношений между странами, не сгладил противоречий между Русью и Литвой, обострившихся вновь в самом начале XVI в., когда началась новая волна выезда православной элиты к великому князю. Среди них выделялся князь Семен Иванович Бельский, просивший Ивана III принять его на службу вместе с вотчиной – Бельским княжеством (ныне город Белый Тверской области). Родовое владение князь потерял, находясь в Литве, и с помощью московского государя планировал восстановить справедливость. За Бельским к Ивану Васильевичу выехали князья Василий Иванович Шемячич (сын дяди Ивана III Дмитрия Шемяки) с Новгород-Северским княжеством и Семен Иванович, владевший, помимо Стародубского княжества, Гомелем, Черниговом, Карачевом, Хотимлем.

Переход князей на сторону Ивана III обещал солидные территориальные приращения для России, и, хотя великий князь и не имел права принимать выезжавших князей вместе с их землями, ведь это противоречило условиям договора 1494 г., прагматизм в очередной раз взял верх над уважением к праву. Началась русско-литовская война 1500–1503 гг. Иван Васильевич уведомил о ее начале литовскую сторону и направил полки на помощь князьям-перебежчикам – первый отряд на Северскую область, второй на Торопец и Белую, а третий на Дорогобуж и Смоленск. В тылу на случай подхода литовских подкреплений предусмотрительно оставался резерв.

Действовать нужно было незамедлительно, иначе князей могли разгромить поодиночке. На ответственное северское направление отправили Якова Захарьевича Кошкина, вместе с которым шли служившие Москве татары. Войско вскоре захватило Брянск, а объединившись с Василием Шемячичем и Семеном Стародубским, взяли и Путивль. В результате военных действий оказалась захвачена значительная территория с такими городами, как Мценск, Серпейск, Стародуб, Гомель, Любич, Новгород-Северский, Рыльск и др.

Взяв Дорогобуж, целью русских воевод стал Смоленск, на подступах к которому они находились. Иван Васильевич, как и его предки – московские князья, давно мечтал вернуть Смоленск в лоно Русского государства, поэтому к ответственному походу готовились тщательно. Дождавшись новгородцев, псковичей и войска из Твери, государь позаботился о том, чтобы армию возглавил лучший военачальник. Выбор пал на опытного князя Щеню, что задело боярина Кошкина, считавшего бесчестьем

служить под началом князя. Государь же не собирался ставить под удар судьбу кампании ради удовлетворения амбиций вельможи и твердо указал на его место: «Тебе стеречь не князя Даниила; стеречь тебе меня и моего дела… ино не сором тебе быть в сторожевом полку».

14 июля 1500 г. на берегах реки Ведроши под Дорогобужем сошлись русская и литовская рати. Войско великого князя литовского возглавлял известный полководец гетман князь Константин Иванович Острожский, торопившийся атаковать передовой русский полк до подхода основных сил. План не удался, поскольку русские воины, преследуемые гетманом, успели добраться до основных сил под командованием князя Щени. Князь Острожский не осмелился немедленно атаковать многочисленную армию, и два дня оба войска стояли друг против друга, разделенные небольшим притоком Ведроши – рекой Тросной. Исход битвы решила атака засадного полка, обратившая литовцев в бегство, которое затруднялось тем, что мост через Тросну был разрушен по приказу Щени. Множество литовских воинов попало в этот день в плен, живым взяли и самого гетмана Острожского. Иван III, узнав о победе, отправил одного из бояр «спросить воевод о здоровье», за признанные неоспоримые заслуги первым высокой чести удостоился Щеня. Следующим успехом русской армии стало взятие Торопца – города на северо-западе относительно основного театра военных действий.

В следующем, 1501 г. почти не было слышно лязга оружия. Александр и Иван III, занятые другими проблемами, решили повременить с активными действиями. Спокойствие на полях сражения компенсировалось кровопролитной битвой за Мстиславль, которому отводилась роль нового плацдарма для наступления на Смоленск. Ограбив окрестности Мстиславля и побив множество литовцев, русская армия так и не взяла город.

Впрочем, горевать Ивану III не пришлось, ведь в 1502 г. на владения Александра напал не только крымский хан, но и молдавский господарь Стефан. Настал удобный момент для осады Смоленска. Главой осаждающего войска великий князь назначил младшего сына Дмитрия Жилку, под началом которого стояли такие опытные воеводы, как князь Холмский и Кошкин. Осада Смоленска длилась меньше месяца; как и под Мстиславлем, перебили много литовцев, но крепость оказалась неприступной. Неудача под Смоленском во многом объяснялась скорым отходом русских войск, прослышавших о движении большого литовского войска. Дальнейшее продолжение войны с Литвой представлялось нежелательным, в том числе и потому, что Иван III постепенно начинал ощущать телесную немощь,

усиливавшуюся с приходом старости.

Дипломаты обоих государств немало потрудились, пытаясь угодить своим князьям. Ключевым вопросом было признание Литвой захваченных русскими войсками земель, хотя де-факто эта огромная территория, приблизительно треть от Великого княжества Литовского, вошла в состав России. Шестилетнее Благовещенское перемирие стало большим и, вероятно, последним успехом правления Ивана III, жить которому оставалось немногим больше двух лет. Василий III доведет до конца начатое отцом и в 1514 г. захватит Смоленск.

В последние годы княжения Ивана III внешнеполитическим направлением, превратившимся позднее в одно из важнейших, стала экспансия в сторону Прибалтики. Присоединив Новгород и Псков, необходимо было защитить их интересы, прежде всего в сфере торговли с другими государствами.

Камнем преткновения для коммерции русских купцов в конце XV в. стала Ливония, вступившая в сговор с городами Ганзейского союза, в чьих интересах была торговля по Балтийскому морю. В результате соглашения между ними никто не покупал товары у русских напрямую, единственным источником сбыта оставались ливонцы. Действенным способом разрешить проблему явилось наращивание военного потенциала государства хотя бы для того, чтобы торговые партнеры стали сговорчивее, чувствуя за спинами русских торговцев силу оружия. Большое значение имели и дипломатические методы, ведь, кроме Ливонии и Ганзы, имелись еще Швеция и Дания, пока прохладно относившиеся к своему соседу.

В таком контексте протекали военные конфликты России и Ливонии второй половины XVI в. В 1463 г. Ливонский орден заключил девятилетний мир с Псковом, за которым теперь стояла Москва. Впрочем, магистр вскоре нарушил соглашение в 1469 г. и снова развязал войну. Жители Пскова на этот раз прямо обратились в Москву, откуда к западным рубежам двинулась внушительная рать под командованием известного воеводы князя Холмского. Немцы не стали искушать судьбу и начали переговоры. Военные действия начались снова в 1480 г., когда орден воспользовался тем, что поход Ахмата на юге сковывал Ивана III по рукам и ногам, но после завершения «стояния на Угре», русская армия вторглась на территорию противника и захватила там два города. Ливонцы вновь капитулировали.

В 1491 г. сложилась интересная внешнеполитическая ситуация. Подходил срок завершения десятилетнего мира с орденом, желавшим продлить добрососедские отношения, а в «странной войне» с Литвой после смерти короля Казимира

ожидался перелом.

Закончив сооружение новой каменной крепости в Новгороде, весной 1492 г. Иван III решился на строительство Ивангорода – первого русского порта на Балтийском море. Возведение новой крепости проходило на территории Русского государства, и все же немцы остались недовольны. Появление на карте Ивангорода означало развитие прямой торговли, а это било по монополии перекупщиков из Ливонии, грозя им серьезными убытками. Ненависть к подданным Ивана III приняла жестокие формы – русских негоциантов всячески унижали («обиды чиниша и поругание»), а некоторых даже, если верить летописи, «в котле вариша» без суда и следствия, пираты грабили русские суда, тяжко пришлось и послам, которые проезжали те места, следуя дальше в Европу. Вскоре великому князю стало ясно, что наличие порта не сломило господство Ганзейского союза. Оставались два других средства – война и дипломатия.

Ганзейские торговцы не имели войска, но обладали могучими союзниками, среди которых находились Швеция и Ливонский орден. В поиске подходящего альянса Иван Васильевич обратил внимание на Данию. Заключенный с ней союз носил не только торговый характер, но и позволил отреагировать на притеснения Ганзой русских торговцев. Ганзейские купцы лишились привилегий в Новгороде и были взяты под стражу. Нарушение дипломатического этикета объяснялось скандалом, разразившимся в 1494 г., когда до Ивана III дошел слух о том, что один из членов ревельского магистрата, комментируя сожжение одного из русских на костре, отвечал: «Мы сожгли бы вашего князя, если бы он у нас сделал то же (имеется в виду преступление, инкриминированное казненному русскому. – *А. В.*)». Узнав об этой дерзости, государь в гневе сломал и выкинул свой посох, а потом потребовал выдачи оскорбивших его.

Как и следовало ожидать, требование Ивана III никто и не собирался удовлетворять. Случившееся дало ему повод к разгрому ганзейского подворья в Новгороде – иностранные купцы попали за решетку, но вскоре их отпустили, а имущество безвозвратно конфисковали.

Сторонники Ганзейского союза предпочли не развязывать войну с Россией, вместо этого они прибегли к торговой блокаде как мере экономического воздействия. В этом мероприятии решила принять участие и Литва, запретившая не только продавать русским серебро, но и закрывшая границы даже для послов. Из всего Прибалтийского региона лишь Дания сохраняла торговые контакты с Россией.

Иван III, как предполагают историки, был увлечен перспективами налаживания торговли через Балтийское море, иначе как объяснить развязанную им в 1495 г. войну со Швецией. Основные ее события развернулись под Выборгом, осажденным армией под руководством знакомого нам князя Даниила Щени. Шведские источники констатировали, что великий князь собрал громадное войско – в 60 тысяч человек, но эти силы не смогли взять каменную твердыню. Разорив окрестности непокорного Выборга, русские войска отступили.

Ко времени отхода от осаженной крепости в Новгород прибыл сам великий князь, стремившийся осуществлять руководство армией в относительной близости от театра военных действий. На смену уставшим воинам из Москвы пришло подкрепление, а прежних воевод сменили другие. Новые походы русских отрядов принесли немало беспокойства шведам и разорили Южную Финляндию, но не принесли победы в войне. Зато в Швеции решили использовать свой козырь, который Ивану III нечем было крыть. В августе 1496 г. к Ивангороду подошли 70 шведских судов с вооруженными воинами на борту. Штурм города был яростным – под прикрытием пушек подожгли дворы, местный воевода сначала мужественно сопротивлялся, но потом в страхе покинул свой боевой пост. Разорив Ивангород, шведы отступили, опасаясь ответного удара русских сил, двигавшихся из Пскова.

И снова война со Швецией зашла в тупик. Взятие Ивангорода было досадным поражением, не влиявшим на исход кампании, поскольку войска великого князя продолжали разорять Финляндию. Швеция обратилась к союзнику Москвы – Дании, прося о посредничестве в мирных переговорах. В результате в марте 1497 г. Россия и Швеция заключили шестилетнее перемирие, а вскоре датский король захватил шведский престол. Иван III надеялся на помощь старого союзника и в дальнейшем. Особенно привлекательным государю казался династический брак его сына Василия и датской принцессы. Однако политические интересы Ивана III и датского короля находились далеко друг от друга, чтобы для последнего этот брак был бы выгоден с практической точки зрения. Сказалась и разница в вероисповедании, которое в ту пору меняли неохотно. Неудивительно, что в 1499 г. датский король отказал сватавшемуся к его дочери княжичу Василию.

Нейтрализованная Швеция теперь не мешала Ивану III разобраться с ганзейскими городами и Ливонией. Очередным поводом стало задержание в Дерпте 150 русских купцов. Делегация от жителей Пскова, безуспешно просив за своих

соотечественников, отправилась искать защиты у великого князя. В войне 1501–1502 гг. русская армия проявила себя не лучшим образом, а вот Ливонский орден смог одержать несколько, хотя и не самых убедительных, побед. Немецкое войско уступало русскому по численности, и в случае затяжных боевых действий у них были не самые лучшие перспективы.

В 1503 г. обе стороны заключили мир, вернувшись к границам, существовавшим до войны 1501–1502 гг. Ценной деталью договора стало обещание Ливонии не помогать Литве в случае военного конфликта с Россией. Все же Ливония и Ганза не уступили в главном – продажа необходимых для военного дела цветных металлов в Россию так и не возобновилась. В качестве ответной санкции русские отказались от закупок ливонской соли, пользовавшейся популярностью на рынке.

Главным результатом долгого конфликта с Ганзой стало оформление нового прибалтийского направления русской политики, символом которого выступил возведенный по указу великого князя Ивангород. В дальнейшем потомки Ивана III будут продолжать отстаивать здесь интересы страны, пока Петр I не прорубит в начале XVIII в. «окно в Европу».

* * *

В марте 1490 г. в возрасте 31 года умер сын Ивана III от первого брака Иван Молодой. Незадолго до смерти у наследника сильно разболелись ноги. Лечить Ивана Молодого вызвался лекарь из Венеции, буквально ручавшийся головой за успех своего врачебного искусства. Однако зелья, банки и другие виды терапии не спасли пациента, поэтому потерпевший неудачу лекарь был казнен. Исходя из некоторых источников, исследователи допускали возможность отравления наследника Софьей. В пользу этой версии говорит не только ее возможная заинтересованность (гибель Ивана Молодого могла сделать наследником одного из ее сыновей), но и прибытие венецианского врача в Москву вместе с братом Софьи.

На почетную роль будущего наследника претендовали шестилетний Дмитрий – внук сын Ивана Молодого и Елены Волошанки, а также двенадцатилетний сын Софьи Василий. Наличие выбора раскололо неоднородную придворную среду и привело к формированию двух партий.

В течение долгих семи лет было не ясно, на кого падет выбор Ивана III. Казалось, что государь будто бы благоволит Василию, доверяя ему выполнение небольших поручений, с другой же

стороны, официально Василий не назначался наследником, и это сохраняло шансы за Дмитрием-внуком. Напряженность конфликта подогревалась придворными партиями, стремившимися предугадать наиболее вероятное развитие ситуации.

В 1497 г. сын боярский Владимир Гусев и дьяк Федор Стромилов по приказу Ивана III были обезглавлены. Летописи сообщают, что Стромилов предупредил Василия о грядущем выборе отца в пользу Дмитрия. Вокруг Василия верные служилые люди составили заговор, предлагая ему бежать на Белоозеро и в Вологду вместе с казной, расправившись с Дмитрием. Не осталась в стороне и Софья. Говаривали, что она призывала к себе ворожей, готовивших для нее зелье. Возможно, великая княгиня хотела с помощью колдовства склонить мужа на сторону Василия. Так или иначе, но Иван III приказал казнить и этих «баб лихих», промышлявших ворожбой. Родня (мать и сын), замешанная в заговоре, отделалась легче всего – Василий оказался под домашним арестом, а Софья была удалена от великого князя.

Ивангородская крепость. Современный вид

Сторонники Дмитрия ликовали – 4 февраля 1498 г. Иван III благословил внука великим княжением и даже возложил на его голову шапку Мономаха. Казалось, сам государь поставил точку в споре двух группировок, но судьба переменчива, и в 1499 г. несколько знатных сторонников Дмитрия были уличены в неизвестном преступлении, стоившем одному из них головы.

Отец, видимо, сомневаясь в верности Дмитрия, освободил Василия, дал ему титул великого князя, а с 1502 г. назначил своим соправителем. В этом же году Иван III окончательно перечеркнул все шансы Дмитрия. Он не только оказался в опале, в заключении вместе с матерью, но и имена их запрещено было «поминать» на церковных службах.

В стороне от борьбы придворных группировок не осталась церковь. На Руси в конце XV – начале XVI в. получила распространение «ересь жидовствующих», название которой отсылает нас к главному еретику «жидовину» Захарию и указывает на связь с иудаизмом. Первоначально ересь появилась в Новгороде, откуда через некоторое время перекочевала в Москву. В отличие от новгородских еретиков в московский кружок «жидовствующих» входили в основном миряне, многие из них обладали положением в обществе. Наиболее известными столичными приверженцами ереси являлись – супруга Ивана Молодого и мать Дмитрия-внука Елена Волошанка, братья дьяки Федор и Иван Курицыны, а также некоторые дети боярские и купцы. Воззрения еретиков, по некоторым данным, разделял даже архимандрит Симонова Монастыря, а с 1490 г. митрополит Зосима. Исследователи склоняются к мысли, что по крайней мере московские члены кружка не обладали «законченным и упорядоченным учением» и составляли «движение вольнодумцев». Собираясь вместе, они критиковали Священное Писание и изучали астрологию.

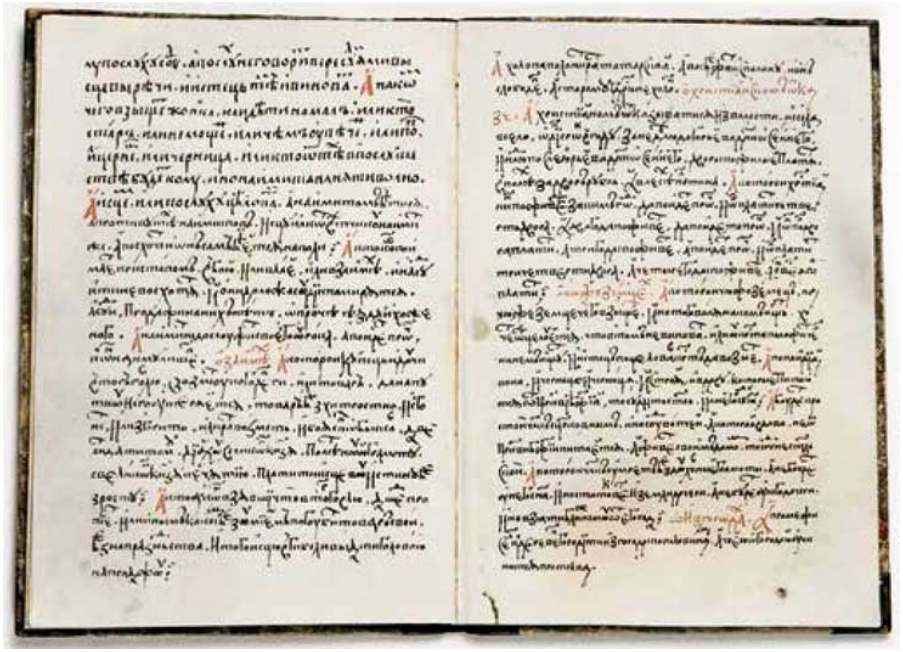
Венчание Дмитрия-внука в 1498 г. Миниатюра Лицевого свода XVI в.

Еретики в Москве, несомненно, были близки к великому князю, благодаря чему они долгое время были недосягаемы для церковных властей – решение собора 1490 г., осудившего «жидовствующих», коснулось лишь новгородцев. Те из них, кого

уличили в подобных взглядах, были отлучены от церкви и понесли наказания различной тяжести. Московские вольнодумцы в 90-х гг. XV в. продолжали чувствовать себя комфортно – Зосиму избрали митрополитом, Федор Курицын и дальше делал карьеру, не приходилось жаловаться Елене Волошанке и ее венчанному на царство сыну в 1498 г.

Вольготное положение еретиков при дворе привлекло внимание известного церковного деятеля Иосифа Волоцкого, подготовившего материалы богословского характера, обличающие членов московского кружка. Однако не писательский талант и активность игумена Иосифа привели к падению Елены и ее сторонников, дело было в борьбе придворных группировок. Раскаиваясь, Иван Васильевич признался в нескольких беседах с Иосифом Волоцким, что знал еретиков, и просил прощения. Собор 1504 г. еще раз осудил ересь, но на этот раз виновных ждал более суровый приговор – многие из них были сожжены на костре. Нужно признать, что государь с тяжелым сердцем лишал покровительства своих приближенных. Иван III не торопился преследовать еретиков, а как дело дошло до костра, вероятно, начал колебаться и допытывался у Иосифа: «Како писано, нет ли греха еретиков казнити?»

Причины выбора Василия и опалы Дмитрия не ясны. Решение Ивана III носило отчасти субъективный характер. Русских послов, отправленных в Литву, инструктировали отвечать на вопрос о том, почему Василий, а не Дмитрий назначен преемником, так: «Который сын отцу служит и норовит, ино отец того боле и жалует. А который сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати?» Отец Елены Волошанки молдавский правитель Стефан также живо интересовался судьбой дочери и внука, ему в конце концов сообщили, что «внука было своего государь наш пожаловал, и он учал государю нашему грубити». Герберштейн не без оснований утверждал, что Софья «побудила мужа лишить внука Димитрия монархии» и назначить на его место Василия.



Лист из списка Судебника 1497 г.

В династическом кризисе конца XV в. очень много вопросов и белых пятен, а источники содержат слишком скудные сведения, проливающие свет на ключевые вопросы противостояния Дмитрия и Василия. Стоит, впрочем, согласиться с Ю. Г. Алексеевым в том, что эта была борьба за власть между конкретными лицами, едва ли желавшими серьезных перемен как во внутренней, так и во внешней политике России.

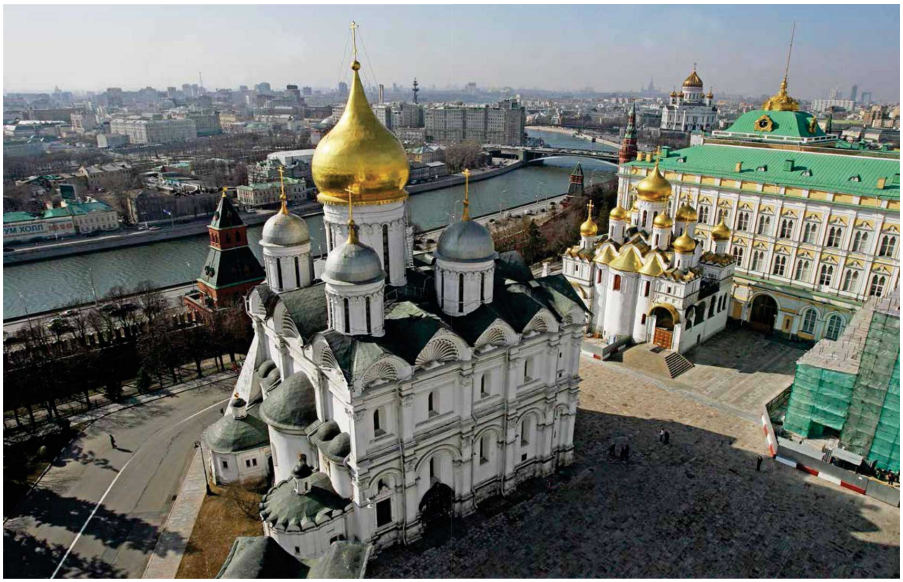
Как заметил А. А. Зимин, «ликвидация основных удельных княжеств и военные победы позволили Ивану III заняться укреплением политических, правовых и идеологических основ единого Русского государства». Одним из шагов, направленных на решение этой цели, стало принятие первого общерусского Судебника в сентябре 1497 г. В задачу его составителей не входило создание максимально полного правового памятника, содержавшего бы в себе нормы, регулировавшие самые разные стороны жизни. Там, где обычая, прецедента или акта было достаточно, законодатели не считали нужным дублировать их нормы статьей Судебника.

Этот обширный правовой кодекс опирался на Русскую Правду XI в., уставные грамоты XIV–XV вв., Псковскую Судную грамоту, а также на судебные обычаи различных земель, что служит подтверждением объединяющего характера правового кодекса 1497 г. Различные особенности судопроизводства и права были приведены к общему знаменателю – установлены единые

процессуальные нормы и единые пошлины для уплаты за суд, определен круг лиц, в обязанности которых входила судебная деятельность. Следствием принятия Судебника стало законодательное начало закрепощения, введение которого было обозначено установлением известного Юрьева дня и условий перехода крестьян от одного землевладельца к другому. Немалая часть Судебника посвящена положению другой категории зависимых людей – холопов. По мнению, А. А. Зимина, изменения здесь определены «фиксацией и ограничением самих источников пополнения челяди», в перспективе они способствовали изживанию полного холопства как формы рабства на Руси.

Историки справедливо связывают составление Судебника с возвышением Дмитрия-внука, во время венчания которого отец, по свидетельству летописца, увещевал его: «Люби правду и милость, и суд правой». Наиболее вероятные претенденты на составление Судебника, ведавшие при великом князе судопроизводством, судя по всему, тоже поддерживали Дмитрия-внука. Среди них были князь Иван Юрьевич Патрикеев, дьяки Василий Долматов, Василий Жук и Федор Курицын.

Немаловажное значение Судебника 1497 г. и в том, что он способствовал отправлению справедливого суда. В средневековой Европе и в России понятия «суд» и «власть» часто были синонимичны, великий князь, а позже и царь выступали гарантами обеспечения справедливости. Для XVI в. мы можем уверенно говорить, что жители России воспринимали правителя как единственного богом данного защитника, у которого можно было искать правды в независимости от богатства и знатности обидчика или бедности того, чьи права были нарушены.



Архангельский и Благовещенский соборы Московского кремля

Уже знакомый нам Сигизмунд Герберштейн перевел часть этого памятника и издал его в своих записках. Здесь виден интерес иностранца к этому правовому феномену, аналогов которому не было во многих странах Европы. Вероятно, именно Судебник имел в виду крымский хан, когда писал великому князю от имени сына турецкого султана: «Того великого князя Ивана доброе имя слышим, правосудом его зовут». Ничего подобного не существовало до 1497 г., это был первый в истории России единый кодекс, получивший свое развитие в ряде других Судебников XVI – начала XVII в. Иначе говоря, Судебник 1497 г. стал одним из символов появления нового единого государства.

К концу жизни Иван III одолел всех, кто мог хоть как-то противиться его влиянию. Воля государя беспрекословно исполнялась подданными, а установившееся самодержавие стало данностью. Однако власть великих князей и царей в России XV–XVI вв. имела вполне земные пределы. Одной из таких твердынь являлась Русская православная церковь. Государь имел возможность диктовать ей волю, но не напрямую, по ряду частных вопросов, а противостоять самим основам церковной организации было едва ли возможно. Именно это и показали события 1503 г.

Черное духовенство, пользуясь лояльностью князей и татар, скопило огромный земельный фонд. Все имения монастырей находились в прекрасном, цветущем состоянии, что превращало их в лакомые куски. Идея секуляризации (перехода церковной земли к государю) занимала с тех пор умы многих государей, но

Иван III был, по всей вероятности, первым, кто решился реализовать ее на практике. Затею эту вдохновляла и уже проведенная частичная секуляризация в Великом Новгороде.

Расширение земельного фонда за счет владений церкви не являлось демонстрацией силы. Для проведения такого мероприятия у прагматичного Ивана III имелись веские причины. Раздача новых земель помогла бы увеличить количество помещиков – детей боярских, владевших землей за службу. Кроме того, малоземелье ощущалось на территориях, давно освоенных государством, а новые приращения за счет Твери и Новгорода уже во многом исчерпали себя как ресурс для наделения землей служилых людей.

В проблеме секуляризации был заложен и моральный аспект. В среде черного духовенства нашлись люди, считавшие собственность препятствием к духовному совершенствованию монахов и выступавшие за лишение церкви земельных владений. В литературе их обычно называют «нестяжателями», во главе которых стоял Нил Сорский, желавший, «чтобы у монастырей сёл не было, а жили чернецы по пустынем, а кормили бя ся рукоделием».

Решить судьбу имущества мог церковный собор, проходивший в августе – сентябре 1503 г. На нем Иван III предложил взамен земли, которой могла лишиться церковь, выдавать представителям духовенства фиксированное жалованье.

Побороть церковь оказалось намного сложнее, чем искоренить интриги и заговоры, поскольку духовенство не было персонифицировано, а кроме того, представители этого социального слоя обладали связями среди правящей элиты, без поддержки которой великому князю было бы трудно принять столь значительное решение. Боярская дума, за исключением одного из ее членов, не выказала решительной поддержки. Знатные сановники, ощущая сложность ситуации, не желали идти на обострение отношений с Иваном III и терять поддержку духовенства тоже не хотели.

Дьяки, обязанные своим положением великому князю, поддержали своего благодетеля, заявив: «не достоит чернцом сел имети». Митрополит и высшие церковные иерархи, образовывавшие освященный собор, пользуясь пассивностью Боярской думы, настойчиво отстаивали свои владельческие права. В этой ситуации линия раздела прошла и среди детей Ивана III. Намерения отца одобряли Василий и Дмитрий, а вот Юрий воздержался от высказывания своего мнения. Заняв нейтральную позицию, Юрий показал, что ему не по душе планы отца, хотя он и не собирается мешать ему.

Большинство князей церкви, включая митрополита, категорически выступило против подобной идеи. Во главе сторонников сохранения существующего положения стоит Иосиф Волоцкий. Используя цитаты отцов церкви и различных византийских уложений, а также исторические прецеденты, им удалось отстоять свои права на собственность, акцентируя внимание на нерушимости древних порядков в отношении имуществ: «…но продаема, не отдаема, ни емлема никим никогда ж в веки века, и нерушима быти».

Отказ собора великому князю, конечно, больно ударил по его самолюбию, ведь до того момента Иван III привык считать, что его воле должны все подчиняться. Вскоре государю представилась возможность отомстить некоторым не поддержавшим его церковным иерархам. Новгородского архиепископа Геннадия обвинили в том, что вопреки постановлению собора не прекратил взимать мзду при назначении на церковные должности. Архиепископ лишился кафедры и попал в опалу. Вскоре разгорелся земельный конфликт между Троицким монастырем и черносошными крестьянами. Рассчитывая наказать возглавлявшего обитель игумена Серапиона, государь встал на сторону крестьян и приказал штрафовать монастырские власти. Иван III потребовал от игумена представить документы, подтверждающие права на земельные владения монастыря. Серапион не просто подготовил все необходимые акты, но и повелел в качестве посланников «з грамотами быти старым старцем, которые из келей не исходят». Проверка монастырских документов не состоялась из-за ухудшившегося здоровья Ивана III.

28 июля 1503 г., т. е. еще до церковного собора, великий князь перенес удар (вероятно, инсульт), «начат изнемогати», стал неспособен ходить самостоятельно, без поддержки других. К этому сообщению летописец добавлял: «Его же Господь любит, наказует». Некоторые современники восприняли нежданную болезнь как наказание за посягательство на права церкви. Автор повести, рассказывавшей о размолвке с Серапионом, отмечал, что на следующую ночь, после того как игумен подготовил все документы, у Ивана III отнялись рука, нога и глаз.

На 62-м году жизни Ивана III постигло несчастье – умерла его вторая жена Софья Палеолог. Возможно, переживая смерть своей супруги, уже летом 1503 г. великий князь почувствовал себя плохо. Но ни врачи, ни молитвы в Троице-Сергеевом монастыре не помогли государю. 27 октября 1505 г. Иван Васильевич ушел из жизни, пробыв на троне чуть более 43 лет. На момент смерти ему было 65 лет – возраст чрезвычайно солидный для эпохи,

когда средняя продолжительность жизни была почти вполовину меньше. Традиционно кончина государя была отмечена амнистией, в ходе которой все преступники были отпущены из тюрем.

Иван III наделил всех своих сыновей уделами и, дабы исключить вражду между ними, «заповедал им во всем повиноватися старейшему брату» Василию. Завещание великого князя укрепило положение наследника престола и во многом ограничило его братьев, теперь уж окончательно потерявших политическую самостоятельность. В частности, удельным князьям запрещалось чеканить свою монету. Право сбора налогов и право суда по тягчайшим уголовным делам на территории столицы и подмосковных сел стало прерогативой великого князя. Удельные князья могли контактировать с иностранными державами только с согласия великого князя. И, наконец, они не могли распоряжаться своими уделами, после смерти отписывавшимися на государя. Таким образом, от традиционной удельной системы старых времен сохранилось одно название. Растущее самовластие великого князя превратило удельных князей в нечто вроде особо привилегированных вотчинников, не представлявших большой опасности для правителя.

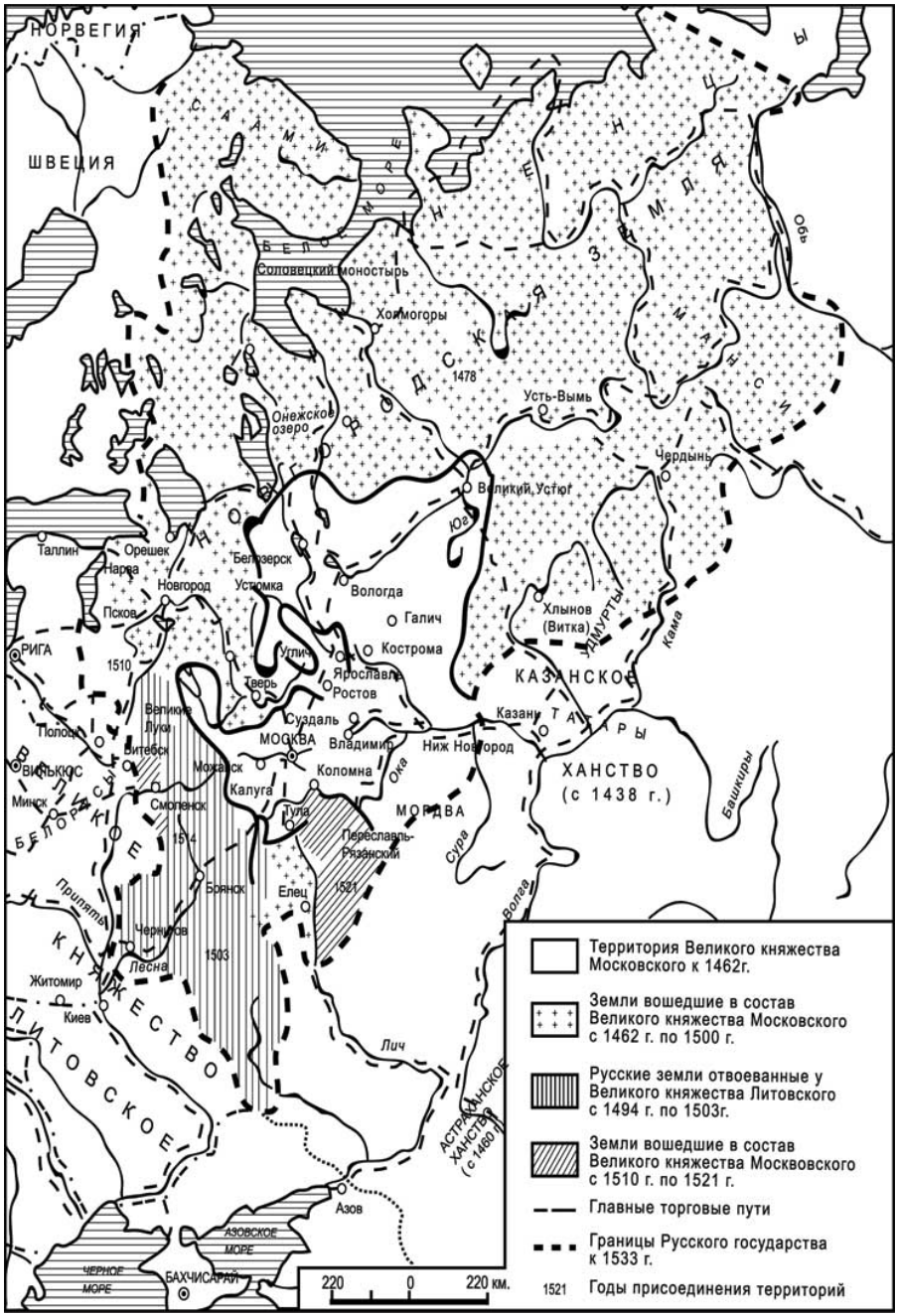
В смертный час Иван Васильевич мог чувствовать вину перед многими из тех, кого он незаслуженно обрек на жизнь в кандалах или казнил. Особенно тревожили его судьбы брата Андрея и внука Дмитрия. Осведомленный австрийский посол Сигизмунд Герберштейн утверждал, что на пороге в вечность государь призвал к себе Дмитрия и сказал: «Милый внук, я согрешил перед Богом и перед тобой, заключив тебя в темницу и лишив тебя законного наследства; заклинаю тебя – прости мне обиду; будь свободен, иди и пользуйся своим правом». Дмитрий, растроганный этой речью, охотно простил вину деда. Но при выходе из его покоев был схвачен по приказанию дяди Гавриила (будущего великого князя Василия III – *А. В.*) и брошен в темницу. Одни полагают, что он погиб от «голоду и холоду, другие – что он задушен дымом». Дмитрий-внук скончался в 1509 г. в тюремном заточении.

В. Н. Татищев, пользовавшийся не дошедшими до нас документами, изложил наказ собравшимся у постели умиравшего великого князя, который наставлял «вся князи и бояры своя» верно служить соверену, «старатися соединить Русь воедино, а бусурманы покорити». В сущности, Иван III призывал их довершить то, что составляло главную задачу его правления – продолжать борьбу за единство и независимость России.

Заключение

Завершая наше повествование, самое время подвести итоги, еще раз обратить внимание читателя на некоторые важные детали и показать те процессы и тенденции, которые скрываются за насыщенным полотном исторических фактов сорокалетнего правления Ивана III.

Великий князь Иван III в целом завершил объединение русских земель, выполнив тем самым основную задачу, стоявшую перед потомками Ивана Калиты. Вторым важным его достижением стало избавление от ордынского ига. Особенно ценно, что Иван Васильевич сам поставил перед собой эту задачу, ведь нам ничего неизвестно об осознанном стремлении освободиться от гнета Орды до его правления. Став правителем объединенной России, в последнее десятилетие своей жизни он принялся укреплять страну изнутри, приступил к борьбе за Прибалтику и русские земли, находившиеся в составе Великого княжества Литовского.



Образование Русского централизованного государства (1462–1533 гг.)

В эпоху Ивана III возникает и новая идеология, столь хорошо подходившая к формировавшемуся режиму. Уже во время борьбы за Новгород московский государь утверждал, что вся Новгородская земля – вотчина Ивана III, доставшаяся от его

прародителей киевских князей. Власть признавала, что не только управляет, жалует и охраняет новгородцев, но и «казнить волны же есмы, коли на нас не по старине смотрети начнете (не будете подчиняться, как и раньше. – *А. В.*)». Внук Ивана Васильевича Иван IV Грозный довел эту формулу до самодержавного абсолюта, провозгласив право жаловать и казнить своих холопов-подданных. В целом же нарождающееся самодержавие принимало патримониальную форму – правитель символически играл роль отца по отношению к подданным, не только диктуя им свою волю, но и обеспечивая справедливость и защиту.

С именем Ивана III связана выработанная митрополитом Зосимой концепция «Москва – Третий Рим», в соответствии с которой русская столица уподоблялась Константинополю, а Иван III – императору Константину. Такое соседство было создано вовсе не для того, чтобы льстить великому князю. Зосима рассматривал Москву как «новый град», благочестивый центр православия, как наследника, вытеснившего своего старого предшественника. Эта идея также обретет популярность и будет доработана при сыне Ивана Василии III.

На первый взгляд при Иване III не произошло серьезных изменений в организации управления в стране. И все же постепенная унификация власти на местах, в регионах, совсем недавно управляемых удельными князьями или другими органами, – это его несомненная заслуга. К XVI в. на территориях большинства уездов великого князя будут представлять наместники и волостели, находившиеся под контролем Ивана III и его бояр.

Двумя важными центральными органами управления являлись Дворец, ведавший земельными владениями государя, и Казна, отвечавшая за финансы и совмещавшая функции канцелярии и архива. Первоначально оба они обслуживали великих князей, владения которых долгое время были невелики. Поскольку Иван III и те, кто наследовал ему, осознавали государство как свою вотчину, то со временем это привело к распространению принципов управления, лежавших в основе Дворца и Казны на всю страну.

Все те же два учреждения стали началом приказной системы. Еще далеко было до появления приказов как оформленных ведомств, но уже существовали особые формы делопроизводства, в будущем характерные для «колыбели российской дипломатии» – Посольского приказа, главного военного ведомства страны – Разряда, Холопьего приказа, ведавшего делами поступления в холопы и другими вопросами, связанными с положением зависимых людей. Вместе с приказами зарождается

и бюрократия, представленная дьяками и подьячими, обеспечивавшими слаженную работу государственного механизма.

С правлением Ивана III связано развитие сети ямов, которые представляли собой подобие современной почты и использовались для передачи различной информации. Это было очень важно для столь большой страны, как Россия, где сеть коммуникаций не была достаточно развита. В своем завещании великий князь строго наказывал сыну сохранить ямскую гоньбу. В дальнейшем в XVI в. для управления этим институтом будет учрежден Ямской приказ.

Для повышения внешнеполитического статуса в окружении великого князя постепенно создавалась генеалогическая легенда, выводившая род Рюрика (и соответственно московских князей) от Августа, римского императора, наследовавшего Юлию Цезарю. Оставляя в прошлом варяжскую легенду, Иван III претендовал на равенство с одной из самых сильных европейских держав того времени – Священной Римской империи. Этой же цели служила и новая государственная печать с двуглавым орлом. Историки до сих пор полемизируют, был ли данный символ навеян византийским или имперским влиянием, но для московского правителя такая двойственность представлялась удобной. Иван III проложил дорогу для нового титула – он и его сын величались царями в дипломатических сношениях с Ливонией и ганзейскими городами на севере Германии.

Внешнеполитические претензии Ивана III, опираясь на постоянное усиление Русского государства, не были необоснованными. Сам государь заключил династический брак с Софьей Палеолог, а его сын Иван Молодой с дочерью молдавского господаря – Еленой Волошанкой. Союзы заключались и с такими странами, как Венгрия, Священная Римская империя, Дания. Установились контакты с итальянскими городами, Шотландией, Пруссией. В связи с этими обстоятельствами усилился приток иностранных специалистов, вещественным результатом которого стала перестройка башен и стен Кремля, возведение Грановитой палаты, кремлевских соборов и других зданий. Культурная и политическая изоляция России оказалась позади, но пока еще рано говорить о выходе страны на арену большой европейской политики.

Избавление от ордынского ига и победы над Великим княжеством Литовским, равно как и успехи во внутренних вооруженных конфликтах, стали возможны благодаря тому, что Иван III, как утверждает историк Ю. Г. Алексеев, провел настоящую реформу русской армии, заложив основы ее

организации на долгое время. Во всех межкняжеских договорах первенство великого князя уже никем не оспаривалось, так был создан институт «верховного главнокомандующего». Этот факт выражался в следующей формуле – «а где мне, великого князю, всесть на конь, и тебе (другому князю. – *А. В.*) со мною поити без ослушанья». Итак, центральная власть еще признавала права удельных князей устраивать внутренние дела в своих владениях, но внешняя политика была для них уже потеряна.

Разделение армии на большой, передовой полки, а также полки правой и левой руки существовало задолго до Ивана III, однако теперь он придал им постоянный характер. Формирование полков, определявших конфигурацию русской армии, осуществлялось заранее. Одновременно с постоянной иерархией полков утверждалась и иерархия возглавлявших их воевод.

При Иване III появляются первые настоящие Разрядные книги, в них правительство фиксировало не только назначения военных командиров, но и содержала делопроизводственную информацию о походах.

Не менее важным стало введение новой системы обеспечения разросшегося войска, большую часть которого составляли дети боярские. Они теперь служили с небольших земельных владений – поместий, собственником которых в конечном счете оставался Иван III. Так была обеспечена преданность военных, составлявших элиту русского общества, великому князю.

Как отмечает Ю. Г. Алексеев, военные реформы способствовали появлению таких характерных черт российской военной стратегии того времени, как тщательная подготовка кампании, умелый выбор направления главного удара, гибкость тактического реагирования, а также отсутствие в военной стратегии шаблонов и застывших схем. Остается согласиться с мнением, что за сорок с небольшим лет правления Ивана «бывали проигранные бои, но не было проигранных кампаний».

Деятельность Ивана III была отмечена даже молдавским государем. Герберштейн писал: «Великий Стефан, знаменитый палатин Молдавии, часто вспоминал про него на пирах, говоря, что тот, сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить границы». Действительно, государь мог положиться на своих воевод, среди которых следует выделить князей Щеню и Холмского.

Иван III сплотил вокруг себя верных придворных, деятельность которых сводилась не только к исполнению приказов. Государь часто выслушивал точку зрения других, даже если они не во всем с ним соглашались. Конечно, Иван III не

всегда поощрял вольнодумство, и свое прозвище Грозный получил не напрасно. Другое дело, что он жил в эпоху, когда его окружало немало интересных личностей, чье мнение было полезно для самого государя.

Главным инструментом объединения русских земель стало насильственное присоединение. Такой выбор в средствах диктовался прагматическими соображениями – в условиях постоянной внешней угрозы со стороны Великого княжества Литовского и осколков Золотой Орды Иван III не обладал временем для заключения сложных политических союзов на основе компромиссов или экономических интересов. Ему приходилось постоянно иметь в виду целый спектр политических задач и проблем. Это значит, что большинство из них приходилось решать одновременно – отстаивание независимости России, освобождение от ига, собирание земель и их дальнейший ввод в состав государства, включавший составление кадастровых описаний, назначение великокняжеской администрации и раздачу земель в поместье. Не давали покоя и дела личного характера, тесно сраставшиеся с государственными интересами – взаимоотношения с братьями, заключение династических браков и выбор наследника.

Итальянский современник Ивана Васильевича Никколо Макиавелли в создаваемых им политических трактатах поставил вопрос – оправдывает ли высокая цель любые, даже самые неблагородные, а возможно, жестокие средства? Подобный вопрос приходит на ум, когда мы размышляем, какими средствами создавалось единое Русское государство. Иван III, по-видимому, считал, что ради благополучия сильной державы, способной защитить себя, нужно чем-то жертвовать. Для тех, кто разделял взгляды великого князя, удельные и другие независимые княжества, свободные земли вроде Новгородской казались анахронизмом и препятствием. Многое изменится, если мы посмотрим на события XV в. с иной точки зрения. Чувствовали ли себя изменниками новгородские бояре и тверской князь ради сохранения независимости искавшие союза с Литвой? Каково приходилось Андрею Большому и Борису Волоцкому, когда при каждом удобном случае старший брат наступал на их узаконенные традицией, завещанием отца и межкняжескими договорами права? Целесообразно ли было ради блага государства за подлинную или мнимую «грубость» предать наказанию Дмитрия-внука, с которым потом жестоко обошелся Василий III?

Известный историк А. А. Зимин свел все частные случаи, всю противоречивость царствования Ивана III к сложной дилемме, где

на одной чаше весов оказалась народная свобода, а на другой – царство благоденствия. Вопросы эти носят риторический характер, и мы предлагаем читателю найти свой ответ на них.

Можно лишь подивиться тому, сколько сложных выборов сделал Иван III на протяжении своей жизни, сколько полезного оставил после себя за сорок лет правления. Его основная заслуга – создание единого и суверенного государства. Каким бы талантливым ни был правитель, срока одной человеческой жизни не хватит, чтобы завершить до конца строительство столь обширной державы. Иван III выполнил миссию, ставшую личной для многих поколений московских князей – объединил вокруг Москвы большинство русских земель, а потом и освободил страну от ордынской зависимости. Потомкам Ивана Васильевича достались крепкий фундамент и стены новой государственности, их предстояло обживать, обустраивая Россию, умножая ее славу и величие. Так от первых московских князей до последних русских царей сохранялась связь времен, не прерывающаяся и поныне.

Главные даты жизни Ивана III Васильевича

1440, 22 января – Рождение Ивана III Васильевича.

1452, 4 июня – Брак Ивана с дочерью тверского князя Марией Борисовной.

1458, 15 февраля – Рождение Ивана Молодого, сына Ивана III.

1462, 17 марта – Смерть отца Ивана III великого князя Василия II Темного.

1471

20 июня – Начало похода на Новгород.
14 июля – Победа московских войск над новгородцами на реке Шелони.

1472

Лето – Отражение похода хана Большой Орды Ахмата на Русь.
12 ноября – Женитьба Ивана III на Софье Палеолог.

1477, 9 октября – Начало второго похода на Новгород.

1479, 25 марта – Рождение Василия (будущего Василия III).

1480

Февраль – Начало мятежа братьев Ивана III Андрея Большого и Бориса.
Осень – «Стояние на Угре».

1483

Январь – Брак Ивана Молодого с Еленой Волошанкой.

10 октября – Рождение Дмитрия, сына Ивана Молодого.

1485, сентябрь – Присоединение Тверского княжества.

1487–1494 – «Странная война» с Литвой.

1487, 9 июля – Взятие Казани русскими войсками.

1489, август – Присоединение Вятской земли.

1490, 7 марта – Смерть Ивана Молодого.

1491, сентябрь – Заключение под стражу Андрея Большого в Москве.

1492, весна – Начало строительства Ивангорода.

1497, сентябрь – Принятие Судебника.

1498, 4 февраля – Венчание Дмитрия-внука на великое княжение.

1500–1503 – Вторая русско-литовская война.

1500, 14 июля – Сражение на реке Ведроши.

1505, 27 октября – Смерть Ивана III.